

A movie poster featuring a man with light brown hair and a beard, wearing a white dress shirt and a dark tie, looking towards the camera. To his left is a large, realistic-looking orange fox with a white chest and belly. The background is a vibrant blue and orange city skyline at night, with lights reflecting on a glass surface. The title is written in large, stylized white Cyrillic letters.

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

ОДИНОКАЯ
ЛИСИЦА
ДЛЯ МАЖОРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Череди́й

Оди́нокая лиси́ца для ма́жора

Серия «Любовь без обосну́я», книга 5

<https://litres.ru/72599767>

SelfPub; 2025

Аннотация

Самодовольный мажор, существующий исключительно ради погони за собственными сиюминутными удовольствиями. Разочарование для родителей, слабовольный эгоист, плюющий на все и всех циник, – вот что видят в нем практически все окружающие.

Дерзкая девчонка, нахалка, не желающая следовать чужим правилам и всегда выбирающая бежать от всего, что ее не устраивает. Капризная обуза – вот что, по ее мнению, усматривают в ней люди вокруг. Обуза, от которой она их предпочитает освобождать, не дожидаясь, когда это сделают за нее.

Одна случайная встреча на дороге. Чужая ошибка, втянувшая их в опасный круговорот общих событий. Кем они выйдут из него? Все теми же или уже совсем иными, да и были ли они такими, какими казались себе и другим?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	59
Глава 8	68
Глава 9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Галина Чередий

Одинокая лисица для мажора

Пролог

– Мам! – Худенькая рыжая девочка лет тринадцати приоткрыла дверь комнаты и опасливо заглянула внутрь. – Ма-а-ам!

– Что, блин?! – раздался раздраженный женский голос. – Твою мать же! Вечно ты не вовремя, Лидка!

Необыкновенной красоты блондинка, чей не совсем уже юный возраст едва ли угадывался, гневно зыркнула на дочь. Она как раз красила тушью ресницы, и рука дрогнула, отчего на веке появились черные тонкие черточки.

– Мам, я поговорить хочу... попросить... – осторожно начала девочка, но женщина оборвала ее.

– Если ты опять про свой чертов аквариум, то даже и не начинай! – ткнула она в ее сторону кисточкой и снова отвернулась. – Не до этого сейчас, да и на кой? Тащить его при переезде за собой я не собираюсь, а бросим, так ты мне истерики закатывать начнешь? Нет – и все!

– Я не об этом, – передернула визитерка острыми плечиками, будто ее пробрало сквозняком. – Аквариум мне и так дядя Валера пообещал.

– Валера! – внезапно рявкнула блондинка, резко разворачиваясь к ребенку. – Сколько раз тебе говорить, что ты должна звать его по имени. Или папой. Не забывайся! Ты же знаешь, что можешь спалить нас этими своими оговорками!

– Мам, я не хочу, – резко выдохнув, как перед прыжком в воду, девочка вздернула подбородок.

– Что за выкрутасы опять, Лидка? – Блондинка шагнула ближе и пронзила дочь пристальным взглядом. Та снова поежилась, но повторила:

– Я не хочу... ничего.

– В смысле?

– Не хочу больше переезжать. Не хочу... делать это снова. Дядя Валера хороший, мам. Давай с ним останемся, а?

– Ты что несешь, Лидка? Какой “останемся”?

– Мам, он же любит тебя, я же вижу, – подавшись к матери, торопливо затараторила девочка. – И не жалеет для нас ничего. И дом у него хороший, большой. И со мной он разговаривает, мам, по-настоящему, не плевать ему на меня...

Хлесткая пощечина оборвала ее речь, и девочка-подросток отшатнулась, прижав ладонь к лицу и глядя на родного человека даже не с испугом – с обреченностью. Она, к сожалению, знала, каким будет ответ.

– Любит? Ты дура совсем? Да в гробу я любовь его видала,

ясно? Я тебе сто раз уже говорила, Лидка, чтобы ты и слово это забыла, когда дело касается мужиков! Я твоя мать, я тебя люблю! Я одна, больше никто! Люблю. Забочусь. Я твой дом и шанс на безбедную жизнь. Я! На мужиков полагаться нельзя! Верить им нельзя! Только мне, матери родной!

– Мам, я... Ну, дядя Валера же правда хороший, добрый, ну, ты же сама видишь, не можешь не видеть! Он хочет, чтобы ты мне брата или сестру...

– Заткнись! Твой папаша тоже много чего хотел, но где он теперь? Где те золотые горы, что он мне обещал? Лидка, ты даже из башки своей дурной все эти “останемся” выкинь, ясно? Дом у него хороший? Прекрасно, продадим подороже! Не жалеет он ничего? А оно и так все наше. Наше, дочь. Уясни! Он – баран тупой, и его место определено. А ты кончай херней страдать жалостливой, если сама среди овец не хочешь оказаться. Роли в жизни всего две, Лидка. Или ты жрешь и используешь, или тебя жрут и пользуют по-всякому. И никому мы с тобой, кроме друг друга, не нужны. А мне уже тридцать пять, дочь, а тебе весной четырнадцать. Еще год-два, и наша схема работать не будет, все! Нам сейчас надо на всю жизнь вперед хапнуть, чтобы потом уж осесть спокойно где-нибудь, чтобы хватило, даже если нового лоха я не зацеплю больше. Так что не ной и делай что и всегда! Я знаю, как лучше!

Девочка попятилась из комнаты, кусая нижнюю губу до крови.

– Я не хочу больше... Не буду... – пробормотала она едва слышно. – Не буду.

Глава 1

– Тебя стучать не учили, Антон? – холодно спросил отец, неторопливо вынимая руку из-под короткой юбки своей новой секретарши, послушно застывшей у его стола. – Идите, Мария. Ко мне не пускать никого, пока я с сыном не закончу.

– Стучать в нашей стране – плохая привычка. Иногда даже увечьями и смертью чреватая, – ухмыльнулся нагло, плясая на уходящую белобрысую откровенно лапающим взглядом, который она таки под конец не выдержала. Порозовела щеками и ускорила шаг, перестав зазывно покачивать бедрами. Трахнуть ее, что ли? Сразу как выйду отсюда после неминуемо маячащей на горизонте взбучки от родителя. Так сказать, устроить сеанс секс-терапии в целях успокоения нервов.

– Прекрати! – раздраженно подергал галстук отец, давая мне суровым взглядом понять, что прекрасно осведомлен о мыслях, посетивших мою голову. Типа мне не похрен.

– Что прекратить? Мысленно пристраивать твою Машу в позу бегущего оленя или намекать на проблемы общей обстановки в государстве – коему ты радеющий всей душой слуга – приводящие к неуважению и недоверию к власти в целом?

Или не дрючить ее? Сдалась она мне. Не, так-то телка что надо: блондинка природная. Папахен других не берет, кра-

шенных не терпит, видишь ли, и сиськи с задницей зачетные. Господину Каверину же даже первый сорт не то, только вышший подойдет. И наверняка исполнительная. В смысле, что скажу, то и исполнит, но ведь без души же будет. Без огонька. Без задора. Она же тут на работе, и секс входит в число ее прямых обязанностей, это давно ни для кого не секрет. Даже для моей матери. Так что и подход к этому самому сексу чисто формальный и в обязаловку. А я ведь из тех блудливых козлов-чудаков, которым еще и кайф для партнерши в процессе вынь да положь. Без этого невкусно. А только свинья станет жрать, когда невкусно, лишь бы только не голодать. Голод, он в таких делах даже полезнее. Потом ощущения хоть немного острее. А мне, с некоторых пор практически обесчувствовленному, это ой как кстати.

– Кончай паясничать и мою Марию оставь в покое, Антон! Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Прекрати все это! Время для безответственного поведения чудящего подростка великовозрастного вышло. Ты – Каверин, и все время на виду и на слуху. Я терпел твоё поведение, сколько было можно, но мое терпение вышло. Это уже ни в какие ворота...

Я возвел очи горе, слушая, а вернее, пропуская мимо ушей все эти привычные бла-бла-бла ты хреновый сын и сплошное разочарование. Нет, все же трахну я эту шлюшку, хоть и не прикалывает меня, когда вообще без интриги. Без варианта, что тебе могут отказать, пусть и бывало такое нечасто. Но эту вы*бу именно за “мою Марию” от предка,

да-да. Сделаю из нее совместно используемое имущество семейства Кавериных. Заодно окажу честь стать первой оприходованной землячкой после громкого возвращения меня на родину. Именно возвращения меня, а не моего возвращения. Не вынесла земля британская мерзавца русского, и возввернули они меня непутевого в отчизну. Без права въезда обратно аж на пять годков. Нервные они там больно и законопослушные шибко и отчего-то не одобряют, когда люди бьют морды. А чего нервничать-то? Морды бьют друг другу заранее договорившиеся об этом граждане, нуждающиеся в том, чтобы деньжат поднять или там злость-тоску, внутри без конца бурлящую, стравить чуток. Не добропорядочных же граждан на улицах товарили и места выбирали не людные: пустыри и стройки в чисто иммигрантских районах, пустующие здания, опять же. Случайно там никто оказаться не мог, дабы поранить свою нежную психику о наши разбитые рожи и сам процесс их такого живописания. Все зрители знали, куда и зачем идут.

– ...недопустимо! – прочувствованно закончил очередную тираду родитель. – Тебе прекрасно известно, что меня выдвинули от нашей партии на выборы в Госдуму! И тут моего сына депортируют, и он прилетает домой, похожий на какого-то замызганного и истасканного бомжа или уголовника с разбитым лицом и костяшками на руках! – И, видимо, поэтому встретить меня по прилете ни у тебя, ни у маман времени не нашлось. Занятые люди на службе у страны,

да-да. Засветиться в аэропорту рядом с косячным отпрыском и, возможно, быть заснятыми им не к чему. Хватит с меня, засранца опозорившегося, и водителя присланного. – Повторюсь: это недопустимо, Антон, сейчас особенно! По сути, ты меня подставляешь, ты отдаешь себе в этом отчет? Вручаешь козыри в руки тем, кому только повод дай затоптать меня и разодрать на части наш бизнес.

Бля, видать, что-то потихоньку меняется в государстве российском, ежели такие вещи, как облажавшийся сынок депутатский, кого-то стали волновать. То есть дружба близкая, давняя и крепкая и совместный бизнес со всякими криминальными авторитетами – это ничего, а на мне прям свет клином сошелся.

– Прости, – безразлично буркнул я и “вежливо” подавил зевок.

Нет, ну ее, эту Марию. Лениво мне. Это сейчас еще улыбайся ей, какой-никакой подкат изображай, в туалете опять же ищи, как пристроить поудобнее. А я не спал почти двое суток и в душе столько же не был. Домой-то меня никто не повез, сразу под ясны очи папеньки доставили, чтобы он мог мне свое фи без промедления озвучить, выделив для этого место в своем чрезвычайно плотном графике. Так что спать хочу больше, чем трахаться. Хотя есть вариант позвать ее куда-нибудь. Скажем, завтра. В клубешник какой. Авось в нерабочей обстановке все зазорнее выйдет. А с другой стороны, я что, в том клубешнике не найду кого моментом?

Сейчас распинайся, приглашай, потом заезжай за ней, разговаривай, травой какой модной и дико дорогой в ресторане корми, в уши дуй комплиментами, пои хитрыми коктейлями, когда всегда есть уже готовые и поддатые, которых не надо убеждать с тобой оторваться, они туда за тем и пришли. Я не жадный, и, когда дело касается хорошо потрахаться, усилий не жалею, но говорю же – сейчас лениво.

– Я даже не упоминаю о том, сколько денег было угрохано на оплату твоего образования и здесь, и в Англии! – продолжал задвигать тем временем агитационную речь, взывающую к моей совести, отец. И, судя по переходу к финансовым вопросам, она, слава тебе господи, близилась к завершению. Сейчас перейдет к штрафным санкциям и отпустит с глаз долой. – И что, разве ты получил это образование?! И это в твои-то годы! У меня ты уже был трехлетний и должность приличная! – Да-да, слышал я это многократно, какой он был уже молодец целеустремленный, сумевший по комсомольско-партийной линии так удачно придвинуться, как его сверстникам-неудачникам и не светило. А то, что дед у меня в те времена какой-то там сильно могучий партийный функционер был, не в счет. Все сам, сам. – Дети моих друзей твоего возраста уже вовсю осваивают руководство семейным бизнесом, а то и собственный организывают и преуспевают, семьи, опять же, заводят и ведут достойную жизнь, а ты!..

– А я! – послушно поддакнул я и все же от души зевнул, выдавив из себя: – Виноват, исправлюсь.

Отец замолчал и уставился на меня пристально, видимо поняв, что черта с два я его слушал и проникся. Сука, надо было рожу повиноватей скорчить и глазами его поедать, кивая, что тот болванчик. А теперь есть угроза, что он на новый заход пойдет. Оно мне надо?

– Думаешь, я не знаю, что ты плевать хотел на все, что я тебе тут говорю? – спросил отец совсем другим тоном. Таким, что мне и спать расхотелось. – Считаешь, я не в курсе, что тебе глубоко плевать на интересы семьи, и я не понял уже, что толку из тебя никогда не выйдет? У тебя нет амбиций, характера, чувства ответственности. Ты мой единственный сын, Антон, и мы с матерью давали тебе все. Все, чего мог пожелать ребенок, и даже больше! И в том и была наша ошибка, очевидно. Ты так ребенком, мальчишкой, и остался. Во взрослого человека, мужчину, так и не вырос. А зачем, если и так имеешь все что нужно, делаешь что вздумается, и всегда все сходило и сходит тебе с рук. Но дальше так продолжаться не может и не будет. Не захотел учиться – значит, женись и начинай работать.

– В смысле? – у меня брови поползли вверх от изумления. – Ну работать я еще понимаю в качестве наказания, но жениться? Не крутовато? Зачем?

– Вот видишь, Антон, ты даже необходимость работать, трудиться, обеспечивая себя, естественную для нормальных людей необходимость, воспринимаешь исключительно как наказание.

– А разве это не так? Если у тебя нет недостатка в средствах, то не дураком ли быть – работать? – фыркнул я.

– Недостатка в средствах нет у меня, – припечатал отец, и я подобрался. Так, понеслась, похоже. – У меня. Не у тебя. У Антона Каверина нет ничего. Ни единой копейки. Квартира твоя, вся обстановка в ней, машина, бензин в ее баке, тряпки на тебе – все это куплено за наш с матерью счет. У тебя и на хлебушек и пару носков своих не наберется.

Херня, кое-что у меня на боях отложено, но вступать в спор я не собирался. Быстрее услышу, к чему он все ведет.

– А мне, оплачивающему абсолютно все в твоей жизни, жутко надоело содержать бесполезное, а теперь и вредоносное для моей дальнейшей карьеры существо, Антон. Поэтому я и говорю: ты женишься, что и станет твоей работой на благо семьи, или же можешь выметаться и делать все что угодно, но исключительно за свой счет.

– Погоди-и-и! – подался я вперед, охреневая. – Да ты никак меня, как проشمандовку какую, уложить на дочку нужного тебе типа намереваешься, так? Торговать моим прибором собрался, родитель?

– Да ты в своем ли уме – так со мной говорить? – грохнул он кулаком по столу, вскочил и содрал окончательно галстук, швыряя его в сторону. – Что себе позволяешь?

– Ну не больше, чем ты, папа, собираясь меня использовать как племенного кобеля в своих целях. Или скажешь, я ошибся, и ты меня обженить намерен на простой скром-

ной девочке из народа, а не на какой-нибудь дочуре до хрена нужного тебе чела?

– Честно хочешь? – прищурился отец, упираясь ладонями в стол. – А тебе не все равно? Тебе же всегда и на все плевать. Или у тебя есть планы создать семью по большой и чистой любви? Ты вообще любить-то способен?

Ты не тот человек, у кого есть право спрашивать о таком или судить об этом, чуть не сорвалось с языка.

– Ну, по сути, верно, – процедил я, откидываясь в кресле обратно. – Разница в том, что я становиться дрессированным пуделем в ручонках какой-нибудь избалованной сучонки не собираюсь.

– Уж прости, сынок, но раз разговор пошел у нас в таком откровенном ключе, то скажу: станешь и пуделем, при условии, что тебе будет позволено за пределами этой необременительной роли жить, как и жил. Нам с отцом девушки нужно, чтобы вы очень постарались создать видимость счастливой семьи на ближайшее время и произвели нам на свет здорового наследника или парочку. А дальше оба живите как бог на душу положит, только сильно не отсвечивайте и в скандалы не влипайте.

– О как! Так там и дева, видать, та еще паинька, да? Вы нас обоих решили использовать для разведения? Надеетесь из внуков свое подобие вырастить? Или важен сам факт их появления на свет, дабы слить капиталы? Масштабные планы на будущее?

– А тебя это сколько-то волнует? И будущее и планы? Тебя же интересует только здесь и сейчас, сиюминутные удовольствия и собственные хотелки.

– Ты меня не знаешь на самом деле, отец, – огрызнулся я.

– Знаю, сынок. Знаю. Поэтому поезжай домой, приведи себя в порядок и выпишись. Вечером мы встречаемся с семьей Кропаченко.

– Ух ты, то бишь отрицательный ответ с моей стороны даже не рассматривается? – зло ухмыльнулся я, вскакивая.

– Правильно догадался. Все, свободен, у меня дел еще полно. Кое-кто еще и работать должен, знаешь ли.

Глава 2

– Хренушки ты угадал, Корнилов, ясно? – бормотала я себе под нос, рысача от остановки до нашего дома. Нашего, понятно?! Черта с два я тебе позволю отказаться от меня и лишиться этого.

Я сроду себя нигде дома не чувствовала. Только соображать стала, так и усвоила крепко, что любое место, где мы с маман пребываем, – временное. Никогда не наш дом, только угол на перебиться. Или, уж скорее, жилье на время деловой, мать ее, командировки. Съемные хаты, дома-квартиры ее проходных мужей, гостиницы после быстрых переездов. Потом уже просто вокзалы, лавочки в парках по теплу, чердаки-подъезды в холода, пока бродяжничала уже сама. Короче, любой угол на переночевать, откуда никто не турнет или где ты можешь хоть чуть поспать, не опасаясь нападения. Кому, может, и кошмар-безнадега, ну так им просто сравнивать не с чем. Лично мне этим самым беспросветным адом, наоборот, моя жизнь до того видится. В детдоме поначалу даже ничего показалось. Отмыли, одели, обули, не новое все, но чистое. Кормят, причем за просто так, ничего делать не надо. Ни у добрых людей деньгу кланчить, ни воровать, ни любовь и восхищение с благодарностью к очередному “папе” изображать. Но их бл*дская дисциплина с режимом задра-

ла меня. Так что я периодически ходила погулять. Недалеко и ненадолго, так, чтобы нашли через день-два. Потому как если бы я не хотела, чтобы находили, то заманались бы они за мной пыль глотать, лошары. Но, опять же, детдом – он не свой дом и в принципе им быть не может и не должен. Место передержки всяких бедолаг, что никому никуда не вперлись до того момента, пока их не пора будет выпнуть во взрослую жизнь, где они также никому и на хрен не нужны. Подруг я не заводила. На кой? Все там какие-то нудные: с кем ни заговори – нытье начиналось про то, как маму-папу-семью хочется, слезу давай пускать. А мне родственных заморочек хватило на всю жизнь вперед. Спасибо, больше не надо. Так что инфа до меня о том, что нас скоро, считай, на торги, что тот скот, выставят, чтобы богатыньким дядькам-теткам в загребущие типа добрые ручки пристроить, дошла до меня с большим опозданием. И тут-то как раз мрачный мужик, прикидывающийся нашим новым физруком Владимиром Петровичем, нарисовался и явно что-то мутить хитрое начал. Да я на второй день просекла, что Владимир Петрович из него, как из меня Джигурда, и учитель, что из железной арматурины чесалка для спины. Почесать-то можно, но шкура в клочья будет. Что-то в нем такое таилось... страшное, звериное. Не по отношению к нам, дебилам, нет. Хотя в первый момент и подумалось, что гад – педофил какой, как он начал то с одним, то с другим по углам и кабинетам шептаться. Я с какими только мразями, пока на свободе шлялась, не

сталкивалась. Стала следить за ним, размышляя, не кинуть ли ему кирпич с крыши на башку. Но потом просекла, чего затевается, и решила присоединиться. Ну а чо? Всего и делов-то: суку, старую директрису, и ее налаженный бизнес с продажей выпускников запалить и разрушить, а за то тебе вроде как нормальную путевку в жизнь обещнули. Вот я и упала им на хвост. Но потом что-то стремно стало. Дошло, что если засвечусь я по телеку, то только и жди тогда гемора с какой-нибудь стороны. Или маман объявится, или вообще ее любовник-подельник. Много знаю ведь, чего бы не прибить. Или еще кто, из родни мужей, сидевших или покойных, мамкиных. Я бы на месте тех, кому выжить повезло, нашла и удавила. Меня.

Ну и пошла гулять, пока лето. А как холодать стало, возьми и попадись мне на глаза Корнилов. Не искала я его, чистая случайность. Как раз ночью первый морозец прижал, а тут с утра он. Чистый такой, гладко выбритый, в костюме, и пахнет от него... не то, что от меня, короче. Ну я и подошла и ляпнула внагляк – давай на перезимовать пускай, дядя. Вести себя, мол, обещаю как паинька. А он возьми и согласись. Да еще как! Он реально за меня взялся. Учиться заставил, разговоры разговаривал, воспитывал, блин. Курить не моги, пиво не пей, домой не позже десяти, жрать гадость ни-ни, еще и уроки учи, потому как знания – это твой капитал для будущего. Все то же, что и до него мне тыщу раз парили, но при этом такими словами всегда и с таким видом...

что хрен и возразишь. Не от того, что не хочется, а потому что кругом прав, зараза, и все равно на своем стоять будет. Без крика, моралей, упреков. Сказал, делай так, ибо тебе же это нужно, и все, делай и не рыпайся. Бесил так поначалу – п*здец! Пряма придушила бы его подушкой во сне. И свалила бы, кабы не зима. А к весне... ну... привыкла. В командировки уматывал – скучала, вместо того чтобы радоваться. Потому что поняла, что ему не срать на меня, как всему белому свету. И при этом ничего он от меня не хочет. Серьезно. От меня ничего, а для меня – да.

Месяц приглядывалась, пытаюсь просечь, в чем приколы или подвохи, два. А потом поверила, что и правда нет тут второго дна. Он вроде как просто так меня... ну... заботиться обо мне... и жить разрешает. Мать миллион раз говорила, что просто так – это не про мужиков. Не бывает так, и все. Даже если тебе так долго кажется, то потом все равно это вылезет. В принципе, закон жизни – если ты чего-то хочешь, будь готова и дать что-то взамен. Я хотела, чтобы этот странный Корнилов и дальше был рядом, оставался моим... моим, в общем. Чтобы наш дом нашим и оставался. Но я давно не ребенок и соображаю, что он взрослый мужик. А мужику нужна баба. Секс. И за то время, что мы вместе прожили, он иногда дома не ночевал, в смысле не когда по делам ездил. Но ведь однажды могло так стать, что ему приспичит, чтобы баба и секс все время под рукой были, так? Логика. И что тогда? Я больше на хрен не сдалась, иди, девочка, новый дом

ищи?

Вот я и решила еще до его отъезда, что хрен по всей морде какой-то там сучке приبلудной, а не мой Корнилов. Мой был, моим и останется. На меня парни и дяди постарше всегда велись аж бегом. И ему чего отказываться? Он порядочный до тошноты, сам ни-ни, но если это типа я на все согласная, то не дурак ли он будет отказаться. А в плане физиологии... Да я навидалась всего, что и как происходить будет, представление имела. Не то чтобы мне хотелось этого всего, скорее уж наоборот, от слова совсем, тут я, походу, в мамкину породу. Она всегда говорила, что вся эта возня постельная лишь мужикам и по приколу, но только дура, когда это покажет и станет отказывать тому, от кого чего-то хочет. От тебя не убудет, а самцов таким за яйца и мозги держать крепенько запросто можно. Главное – никакой любви там себе не придумывать. Вот и пригодится хоть в чем-то мне мамкина наука – приберу Корнилова к рукам, и все у меня станет хорошо. И дом свой своим и останется, и человек хороший моим будет. А что с любовью... Да, не случилось со мной этой дурости сопливой. Вот вообще. Какая, к хренам, любовь, когда нужно было думать, как живой да целой быть? Но вот ни к кому и никогда я не относилась так, как к Корнилову. Хорошо. Так что чего-то еще хотеть можно? Все, считай, срослось у меня с ним как надо.

А потом мой Корнилов уехал в чертову командировку и пропал. И очень быстро я осознала, что дело-то не просто

в том, что я считаю быть с ним самым удачным вариантом по логике. У меня чуть сердце не сгорело, так болело день и ночь от страха за него. Подушку грызла, давя рыдания, чтобы Камневы не засекли, как только в голову приходило, что он не вернется. А и вернется, но уже не сдалась я ему. Вдруг потому к Рокс с Яром и пристроил, потому что достала висеть ярмом на шее. Приютил, отогрел, передержал, но на этом все. Перекинул, что ту кошку бродячую, в другие хорошие ручки.

Но он вернулся. Увидела его в окно и думала, чокнусь от радости. И решила тогда – все, нечего кота за яйца тянуть. Пора наши отношения переводить на новый уровень и присваивать себе его. Мешкать не стала и прямо в камневском доме и решила его захомутать. Но этот гад прямо-таки маньяком порядочности оказался. Я к нему, он от меня! Нет, главное, вижу, что все, чего надо, работает исправно, сквозь спортивные видать прекрасно, что реакция есть. Реакция есть, а секса нет. Психанула я знатно тогда, конечно, но потом дотумкала. Вот это я ума великого, однако, сунуться к нему в доме друзей. Стены тут не как бумага, но тем не менее это же не своя территория. Но Корнилова все равно пробрало, он даже бегать умотал. Ха-ха, будто я не в курсе, за каким ему свежего воздуха захотелось. Потому что я за стенкой, я, которая ему себя сама предложила. И не думать об этом живой мужик не может. Ну и пусть бегают, от меня не убежит. Ишь ты, дистанцию он решил создать.

“Поживи еще у Камневых, Лиза, так будет лучше”.

Хрен там! Рядом с тобой мне будет лучше.

Влюбляться, видишь ли, в ровесников надо. Да сдались мне и ровесники, и влюбляться. Про любовь треплются мужики, когда хотят трахаться задаром, и бабы, когда им что-то от всяких лохов с членами надо.

Вот Рокс, та все точно просекла. Что дело не в любви там какой, а в страхе. В том, что я Корнилова себе хочу всего и насовсем, чтобы не стать опять бездомной и ненужной. Просечь-то просекла, но все же ересь какую-то потом нести стала про “ты теперь уже никогда одна не останешься”, про дружбу и заботу и про то, что их телом не покупают и так далее. И опять это “Корнилов любит тебя, усвой, но не как женщину, как близкого человека, как дочь”. Ну что за чес галимый, а? Какая там дочь? За каким таким надом я ему в этом качестве? Польза от меня в чем? Выхлоп какой? Нет в этом логики, а про слово на букву “л” и слышать не желаю.

– Ой, Лизка, ты ли это? – всплеснула руками Мариванна, наша с Корниловым соседка снизу. – Да тебя не узнать прямо! Была такая... – Ага, скажи, чего уж. Слышала я, как вы меня величали в спину вечно. – А сейчас прямо на человека похожа стала.

– Здравсти, Марьванна, – промчалась я мимо нее. – Это оттого что у меня цель в жизни появилась.

– Это хорошо, Лиза, это правильно... – она еще чего-то бубнила, а я уже нырнула в подъезд. Тачка Корнилова на

придомовой парковке, значит, дома он. Я планировала, конечно, сюрприз в романтическом стиле какой устроить, но фиг с ним. Моя задача – развести его на секс, а дальше все само срастется. И хрен я уже отступлю дома и без свидетелей. Чего ему тут уже будет стрематься и менжеваться? Никого, кроме нас, нет, хотеть он меня хочет – видела.

– Корнилов, я дома! – крикнула от дверей и тут же чуть не навернулась через какие-то баулы, брошенные посреди прихожей. – Корнило-о-о-о-ов, ау-у-у-у-у-у! Что это за барахло у нас в прихожке?!

Я прямиком поперла в его спальню. Застану в постели еще тепленьким. Но дальше...

– Не входи! – рявкнул голый Корнилов, резко севший на постели. – Лизка, блин!

Он стремительно прикрылся, и я заметила, что на кровати за ним кто-то возится. Баба! Он притащил в наш дом бабу! Случилось именно то, чего я так боялась!

– Да выйди ты! – приказал он мне, и внутри как взорвалось что-то. Здоровенный сосуд с кислотой, что выжгла все мигом, ослепив болью и яростью.

Он притащил в дом бабу! Причем с вещами! Сволочь! Я ему себя... себя! А он!

Предатель! Все порушил! Опоздала я!

Я стала пятиться, бормоча сначала какую-то жалкую херню.

– Почему? Почему не я, Миш? За что ты так?

– Да прекрати эту херню! – заорал он, высказывая за мной.

Дальше помню очень смутно. Меня накрыло по полной. Он хватал за руки, я вырвалась. Послала его, высказала, какая он предающая тварь, что все испортил. Я ведь его... А он...

И как вылетела из квартиры – не помню. Как по улицам шарахалась и сколько – тоже как-то нечетко. И почему к Камневым к ночи притащилась обратно. Ну а с другой стороны, куда теперь? Опять по чердакам-подъездам бомжевать? Оно-то все к тому и идет, но прямо сейчас мне нужен был угол, чтобы полежать, что той псине, на дороге сбитой, и авось чудо произойдет, и боль эта внутри стихнет. Никогда так не болело ведь. Даже когда осознала, что от матери ухажу безвозвратно. Страшно тогда было, а больно – нет. Но переболит, встану и тогда уж дальше пойду. Ненавижу тебя, Корнилов. Ненавижу и никогда-никогда не прощу!

Глава 3

– Какого черта, Антон?! – зарычал без предисловий предок мне в ухо, только я ответил на вызов. – Я, по-моему, четко и понятно сформулировал, где и в каком виде тебе следует быть сегодня вечером.

– Ага, – зевнув, я вылез из постели и пошлепал босиком к холодильнику.

– И почему же я тогда не наблюдаю тебя сейчас дома? Потому что я не твой *банный подчиненный или ручной пудель.

– Почему же. Я дома. У себя.

После его объявления о моих ближайших перспективах я поехал к себе на квартиру, а не в родительские хоромы. Там же меня наверняка мама с нетерпением дожидалась, не изыскавшая возможности встретить меня в аэропорту. А у меня лимит – один вынос мозга в один день.

– Антон! – Ух ты, вот это рык, впору обделаться, но мне и так срать. – Или ты через пятнадцать минутходишь в дверь, или уже завтра остаешься без денег, машины, квартиры.

– С каких пор в нашей семье завелся обычай забирать подарки обратно? – фыркнул я, но таки взял бутылку минералки вместо пива, к которому рука так и тянулась.

– С таких, как ты окончательно берега попутал, сынок. Я

тебе все четко озвучил. И в этот раз от своего не отступлю. Или ты начинаешь приносить семье пользу, или...

Я сбросил вызов и все же пошел собираться. Посмотрю, что ли, на это дитяtko кропаченское, может, в нее и член сунуть не зазорно. От меня не убудет, если расстараюсь ее осеменить. Хочет папахен внуков – пусть его. Чуток комедию надо чтобы поломал – да и хрен с ним. Не сотрусь небось. Если потом от меня отъ*бется. Да и вообще. Когда-то же надо будет жениться, плодиться и размножаться. Рокси вон тем и занялась. И варианта, что она внезапно передумает, кинет своего бешеного медведя и вернется ко мне, в этой реальности не будет. Не-а. А она была единственной, ради кого я стал бы пырхаться, бодаться с отцом, отстаивать что-то. Право быть с ней. Но этого права у меня нет и совсем не по воле родителя. А потому что она так решила. Выбрала. И выбор ее, походу, окончательный и обжалованию не подлежит. Так что опять же – не пох ли там, на кого меня укладывают и в кого член направляют.

Привычно заныло за ребрами при мысли о Рокси и приспичило насинячиться или расхерачить кому-нибудь харю, попутно хапнув боли и себе. А лучше и то, и другое. Вот с хера я когда-то однажды решил, что мы вместе – это неизбежный сценарий в будущем, и настолько потом привык к этой мысли? Она ведь никогда таких планов не озвучивала. Просто мы как схлестнулись, не пойми как влились друг в друга, да так и оставались дальше на одной волне. Был секс,

не было – все одно. Наши отношения от этого никак ведь не менялись. С ней одной так. Девочек я же через себя что ту воду пропускал. Пить захотелось – выпил, а потом, как и полагается с водой в организме – выссал. А Рокси... ну, она другое совсем. Это вообще не про похоть или гребаную физиологию. Она у меня была, а я у нее. Пока не свалился на наши головы долбаный Гризли и не отнял ее безвозвратно. Подгреб в свою берлогу, проведя для меня навечно черту френд-зоны. А Рокси с этим согласилась. Почему – до меня так и не дошло до сих пор. Только друзья, и никак иначе теперь. И все-то у них хорошо стало, а вот чем или кем мне дыру в жизни законопатить – я до сих пор не знаю. Такие, как Рокси, существа рода человеческого – штучная вещь. Мало того, что второй такой не найдешь, так ведь и не работает же эта фигня с простым замещением подобным. Не-а. Нельзя найти другого человека похожего на того, что занимал в тебе громадное место, и вставить его в образовавшуюся брешь. Не прирастет. Будет одно сплошное отторжение от такой, мать ее, трансплантации, и ты станешь разваливаться еще быстрее. Потому что все не то. Не оно, не она, чужое. Хватит, а! За*бала эта гадская песня по кругу внутри!

Само собой, собраться и доехать за отведенные отцом пятнадцать минут я не успел. Так что, когда приехал, папахен всю уже отвлекал Кропаченко-старшего, хвастая своей немалой коллекцией ружей и охотничьих ножей, а мамуля заговаривала зубы всякой бабской херью его супружни-

це – типичной блонде с роскошными формами и по-коровьи туповатым взглядом, что вот никак не могла быть матерью рыжей телки, скучавшей в одиночестве у окна гостиной. Ясно, господин Кропаченко сменил старую кобылу на ту, что помоложе и больше его нынешнему статусу соответствует. Это нормальный процесс для людей круга моих предков – скидывать старых жен, что помнили их еще нищими, борзыми и частенько в дерьме каком и кровушке замаранными, как ненужный балласт. Ну не моден постепенно становится у поднявшихся товарищей флер криминала за спиной и грязных бабок. Особенно у тех, кто в политику подался.

– Ой, а вот и Антошенька! – возопила маман, и вечер пошел по заранее предугаданному мною сценарию.

Хорошего (прости господи) мальчика меня представили чистому сокровищу, Улечке Кропаченко, рыжей и вполне себе привлекательной, кстати, девочке-припевочке, судя по ее прикиду. Я незаметно облапал ее фигуру под белой, наглухо застегнутой до горла блузкой и прямой юбкой ниже колена. Это ее папаня там обрядиться по-стариковски заставил? Создавали образ нежного невинного создания? Ага, а то я не засек, как это, создание, бля, по мне глазами черкнуло. Глянула как пристрелила. Интересненько выходит. А вот жена кропаченская, наоборот, на меня пялилась, как облизывала, и примеривалась, с какой стороны к такой миске сметаны подступить. Выходит, две по одной цене мне светит, так? Ну и ладно, не заскучаю хоть.

За ужином все представители старшего поколения дружно и слаженно дули друг другу в уши, поливая наши с Улечкой образы тоннами сиропа, что у меня аж зубы от этого приторного словоблудия заныли. И логичный финал вечера “А почему бы молодежи не пойти и не посмотреть ваш сад” с дебильным подмигиванием от Кропаченко-старшего. Ага, я же прямо фанат бл*дской флоры. Одной травы столько за жизнь скурено, сколько никакому ярому вегетарианцу за год зелени не сожрать.

– Вадим Константинович, у меня есть другое предложение, – выставил на просушку я зубы, послушно разыгрывая заявленную за мной роль хорошего выюноши. – Почему бы нам с Улечкой не прокатиться в город и не... – завалиться в клубешник, где я могу сразу и приступить к ее окучиванию, не теряя времени попусту, – погулять где-нибудь по набережной? Попьем кофейку, мороженого поедим. – Ага пивком, коктейлями по брови зальемся – и ей все мягче пойдет, и мне с ней вдатой сильно клоунаду устраивать не надо.

– Прекрасная идея! Тем более о том, что наши семьи намерены соединиться, уже многие в курсе в наших кругах, а вот вместе вас никто и не видел, – оживился мой предок, да и Кропаченко одобрительно закивал.

О как! То бишь движняки уже идут вовсю, а мордами нас с Улечкой только сейчас столкнули. Ох*еть, дожили! И ладно мой папаша, но и ее-то вон как довольно скалится. Ну не может быть, чтобы у такого перца не было специальных чело-

вечков, что обо мне не вызнали все-все. Не может. А значит, он знает, что я за говно, и при этом дочуру свою под меня собственными руками укладывает поудобнее. Такой выхлоп ожидается от совместных замуток с моим предком? Или она у него приемная и не жалко? А с другой стороны... Оно меня *бет? Не-а, ни разу. Мне если насрать на то, что меня родитель сделал одним из условий сделки, то какое дело до того, что там с этой девкой, которую я пока и знать не знаю. И узнавать не намерен. Секс, даже принудительный супружеский, не повод ближе знакомиться. Хотя... глядя на задницу Улечки, что шла впереди меня к тачке, я был вынужден признать, что не такой уж он и принудительный будет. Поначалу по-крайней мере. Ложку к члену точно привязывать не придется.

Мы только выехали из улицы, и я изготовился ляпнуть чего-нибудь эдакое, но Улечка повернулась от окна ко мне и уставилась взглядом, в котором пренебрежения было прям через край.

– Значит так, Каверин, я прекрасно знаю, что ты собой представляешь, – отчеканила она.

Ух ты, интересное начало. Я даже ничего говорить не стал и только кивнул, мол, давай, жги словом. По мордахе же видно – у нее целая речь заготовлена.

– Ты кобель, мажор, и человек в принципе бесполезный, что тебя ни капельки не смущает. Живешь в свое удовольствие на родительские деньги, пьянствуешь, кайфуешь и ме-

няться не собираешься. Такие, как ты, не меняются, потому что это требует усилий, а ты смысла не видишь.

Надо же, еще одна насквозь видящая меня людская особь. Точнее, считающая, что видит. Мне папахена типа мало было.

– Если ты с комплиментами и характеристиками закончила, Улечка, то давай переходи к главному, – подмигнул ей я, тормознув на светофоре.

– Замуж я за тебя выйду, но даже и не помышляй о том, что у нас что-то будет сверх формальных печатей в паспорте. Я на это безобразие согласилась исключительно потому, что отец меня к стенке припер.

– Ну знаешь ли, я тоже стал участником этого балагана совсем не потому, что был тайно в тебя влюблен с детства и ночами грежу о тебе единственной. – Чего мне с ней церемониться?

– Еще и хам, – поморщилась она. О, ну да, как все девки за собой ничего не замечают, но зато как не нравится тем же самым и по тому же месту получать. – В общем так, Каверин, не в курсе, что у тебя там за планы, и вникать не собираюсь. Просто предлагаю пойти на поводу у предков, позволить им поженить нас, пусть удовольствуются этим. Но ты в мою жизнь лезть не будешь, как и я в твою. Вместе станем светиться на всяких там мероприятиях и где там еще родители сочтут нужным. Но на этом все. У меня уже есть любимый человек и планы на будущее с ним, и ты там никак, кро-

ме как помеха и повод для его ревности, не фигурируешь.

– Ух ты, любимый – это круто, прямо-таки здорово. Только можно вопросик?

– Валяй.

– А чего же ты за меня, конченого такого, замуж идешь, а не за любимого?

– Потому что отцу он категорически не нравится, и он сказал, что тогда я больше никогда ни копейки от него не получу, в том числе и на наследство претендовать не смогу. А у Вадика... Он студент еще, и ему учиться надо, плюс иногородний.

– А, то есть у материальной базы под большой и светлой любовью не имеется? – фыркнул я. – А жить хорошо и с удобствами ты привыкла и на лачугу и черствый хлеб с водой ради великого чувства не готова?

– Это не твое... – начала Улечка, но я оборвал ее жестко:

– Дорогая, твоя позиция называется в простонародье “и рыбку съесть, и на х*й сесть”. – Ее веснушчатый нос презрительно наморщился, но ничего, проглотишь, умница. – И чем же ты тогда так сильно отличаешься от меня, кобеля и ниочемыша, живущего на папины бабки и желающего и дальше делать это? Я это хотя бы честно признаю и не корчу из себя черт-те что, и впредь настоятельно прошу тебя тоже такого не делать, Улечка. А то, как ты верно подметила, я еще тот хам, когда вынуждают, и на попу тебя быстро приземлю. Мы достигли взаимопонимания?

– Да, – выплюнула девица, зло посопев.

– Чудно. Куда подвезти? К любимому подкинуть? – с готовностью осведомился я. – Или сначала и правда обязательную программу отыграем?

– Отыграем. Мой отец однозначно кого-нибудь отправит убедиться.

Глава 4

Отлеживалась я почти сутки. И потихоньку беспросветная чернота безысходности в душе поредела до привычной раньше терпимой серости. Что, собственно, такого-то? Случилось всего лишь ожидаемое. Я ведь знала, что оно однажды будет. Мамка, конечно, та еще была у меня стерва, но жизнь, мужиков и вечные схемы их отношения прохавала прекрасно. Методов я ее радикальных никогда не одобряла, не сказать бы чего больше, но по логике, своей, бесчеловечной, она всегда действовала верно. Брала все что можно, пока этот самый мужик был еще пластилином похотливым в ее ручонках, и била наверняка, пока тепленький и доверчивый. А я вспышку прозевала, как говорится. Ну или шанса у меня на самом деле никогда и не было. Моим Корнилов был только у меня в голове, а не в реале. Но в любом случае уже закрытая он тема. И не трагедия никакая, нет. Подумаешь, не нужна я там больше. Впереди лето, я уже совершеннолетняя, доки у меня исправные, спасибо тут Мише. Денег особо нет, ну так это же никакая не проблема благодаря наличию на белом свете все тех же похотливых самцов. Подмигни, пообещай чего – и тебя подвезут и накормят. А расплачиваться, как время придет, – легко теряешься в тумане. Я за бытность моего бродяжничества в том, с кем такое мож-

но проверить, а от кого надо сразу когти рвать, здорово наблатыкалась. Потому как есть мужик, что тебе вслед рукой махнет, типа сорвалось – и хрен с ним. А есть такие упертые мстительные твари, что еще и выслеживать станут и пытаться наказывать. И жестко. Меня бог миловал, не попадала, но тех, кому доставалось от подобных мразей, встречала. Знала я, и как незаметно потянуть купюру-другую. Не весь бумажник, нет, это слишком палевно. Так что еду я на море. А что? Я там не была, а тут кто мне запретит? Корнилов, что теперь своей бабой приبلудной занят? Идет он лесом. Камневы? Люди они хорошие, но сдалась бы я им. Горевать, короче, по мне некому, да и чего? Я же повеселиться-покуражиться отправляюсь, не помирать.

Из постели я выбралась ближе к обеду, приняла душ и устроила набег на кухню незаметно. У хозяев гости опять были, причем, судя по позе и мрачности Яра, напряженную спину которого я видела в окно, не сильно приятные. Перекусив и сбавив себе пару бутеров в дорогу, я тщательно перебрала шмотки, решая, что с собой взять. Должно все влезть в рюкзак и одну спортивную сумку, только самое необходимое. Не с чемоданом же мне по дорогам валандаться. Вещей нужно столько, чтобы ты могла все время за ними сама приглядывать. Ушлих вроде меня везде хватает. Хотела свалить по-английски, но потом таки накатала записку Роксане. Она хорошая, несправедливо вот так уходить, без спасибо даже. И по этим ссыкунам мелким, Ксюхе с Михой, скучать буду...

Под конец и Корнилову черкнула пару слов. Чего уж... Добро и от него видела, честно надо признать. Выбрал-то технично убрать из своей жизни меня он, но и я типа символично его отпускаю. Ну все, можно выдвигаться. Море, солнце и песочек, встречайте меня!

Вышла из дома не сильно и скрываясь – через главный вход. Чего прятаться, когда все Камневы с гостями на заднем дворе тусят.

По улицам поселка бодро топала, щурясь яркому солнышку и ощущая, что попускает с каждым шагом. Вроде как тело все легче и внутри радость и предвкушение. Мне как-то тетя одна, психолог в центре временного содержания, отстойнике для таких бродяжничающих, как я, по сути, парила, что мол это особенность психики, что ли, шиза определенная, короче. Нормальные люди всегда к дому привязаны, он им чувство безопасности дает, а вот такие шумоголовые, как я, наоборот, только на свободе и в пути себя чувствуют в безопасности. И типа отучиться от этого сложно, но возможно. А свобода эта – мнимая, самообман и все такое прочее. Ага, возможно, все и так, если дом у тебя есть. И якорь там какой-то еще упоминала. Я в этот бред особо не вникала, потому как никогда фантастику и болтовню ни о чем не любила.

Топать пришлось через весь поселок, чего-то никто сегодня ехать в город не рвался, а значит, и подвезти кого-нибудь найти могу только на трассе или до остановки автобусной переться надо. А она тут аж на выезде из поселка для

непростых смертных, рядом с рыночком стихийным, где бабульки из соседней деревни всякую всячину продавали. День теплый выдался, но не жара еще, так что пройтись мне в радость.

На остановке кинула сумку и рюкзак на лавку и вышла на обочину взглянуть, чего там с транспортом. Почти сразу рядом с визгом тормознула девятка.

– Э-э-э-э, красавица, в город надо, да?

За рулем скалящий золотые зубы кавказец не первой свежести. Не, мимо. Молча отвернулась. С таким только заговори – не отцепишься. Да почудилось мне какое-то движение на заднем сидении его колымаги. Окна затонированы до полной непрозрачности, видеть ничего нельзя, но чувствует моя задница – там его дружок. А то и не один.

– Чего молчишь, а? Гордая такая или боишься? – докапывался он, не думая трогаться. Вот же повезло. Аж настроение все пропало. – Меня Армэн зовут, спроси кого хочешь, все меня знают тут. Никогда никого не обидел. Нечего бояться, красавица!

Махнула ему сваливать, но куда там. Он дверь открыл, вывалился из своей “ласточки” и чё-то еще вякал, но я забила. Однако носач прямо упорный оказался и поперся ко мне грабли тянуть, очень подвезти ему меня охота. Да-да, до ближайшей лесополосы.

– Не надо меня никуда подвозить, – процедила я сквозь зубы. Очень хотелось тупо послать, но они же ребята обидчи-

вые. Пошлешь – только заведется, еще бросаться, как собака озверевшая, начнет, и помощнички выскочат. Не то чтобы меня таким напугаешь, но при неизбежности конфликта я предпочитала действовать на опережение.

– Как не надо? Вижу – надо. Я тебя мигом домчу, куда скажешь, и деньги не возьму, красавица! По дороге кафе-мафе, даже в ресторан какой заедем. Шашлык хочешь?

Он таки цапнул мою сумку и собрался тащить в свою машину. Я уже прищурилась, целясь носком окованного железом ботинка впороть ему по колену. Вот же проносило его мимо, но не пронесло. Сука, даже если мне почудилось и он в машине один, то врежешь по колену, надо потом и по башне. Он же не успокоится, только взбесится. И уроню его и что? Бежать обратно к Камневым или прыгать под первую встречную тачку и просить увезти отсюда? Не по кустам же ныкаться в самом деле. А если не один...

Серебристая двухдверная “Ауди”, больше похожая на космический корабль, плавно затормозила напротив нас. Водительская дверь распахнулась бесшумно, и наружу вылез высокий белобрысый парень. Ну как парень. Не мой ровесник однозначно, лет, наверное, двадцать пять. Крепкий такой, не качок, но рельефы имеет в наличии, пивного брюшка нет, и бицуха из короткого рукава видна с причудливой татушкой. Одет просто: джинсы черные и футболка серая, вообще без каких-нибудь принтов, но вот наличие такой тачилы и шузы его, с котлами золотыми, сразу наводили на мысль, что у

этого простого шмотья цена наверняка совсем не простая.

Мажористая особь подвалила. Вот только из общего образа мальчика, с серебряной ложкой во рту рожденного, выбивались смачный такой темный синяк на подбородке и не сильно свежая царапина поперек лба. Мажор задиристый и любит подраться или просто за борзоту свою от кого-то на днях по щам выхватил? Судя по прищуре азартному, с каким он уставился на Армэна, первое.

– Эй, детка, это твой личный мохнатый зверь? – ухмыльнувшись, спросил незнакомец. Ага, я не ошиблась. Блондинчик однозначно не из защитников дам в беде по основному профилю. Он просто зацепить хочет, конфликт спровоцировать. Скажу, что пристаёт ко мне Армэн, – повод ему вломить. Скажу, что нет, – наверняка станет до*бываться, пока все равно не выведет. А мне что надо? Правильно, уехать отсюда поскорее, а не стать свидетельницей, если не участницей придорожной драки.

– Ты кого зве... – начал прилипчивый обладатель девятки и набычился, а задняя дверь его машины открылась, являя миру еще двух его соплеменников. Не ошиблась я, не ошиблась. Так что оборвала его на полуслове.

– Лисено-о-ок! – взвизгнула я и понеслась навстречу мажору. Обвила его шею и чмокнула чуть мимо губ. – Ну ты чего так долго?

Не дав ему и рта раскрыть, метнулась обратно к Армэну, выдернула из его руки свою сумку, подмигнув.

– О да, он у меня еще тот зверь ненасытный! – заговорщицки “шепнула” так, что и бабки, и собиравшиеся поиметь меня на троих приятели Армэна могли услышать, и ломанулась обратно. – Поехали-поехали-поехали, я так скучала-а-а-а!

Я внагляк распахнула пассажирскую дверь и, сунувшись в салон, закинула и сумку, и рюкзак на заднее сидение. И тут же плюхнулась, захлопав ресницами невинно и скалясь в дебильно-счастливой улыбке охреневшему мажору, уставившемуся на меня. Но завис он не надолго. Прошелся взглядом от моего лица к груди, ниже, добрался до ног в коротких шортах и ухмыльнулся снова, теперь плотоядно. Что, решил трах тебе со мной обломится? И что это неплохая замена сорвавшемуся мордобойю?

– Ну поехали, киска, – он закрыл мою дверь и пошел на свое место.

Глава 5

Рокси я звонить сам сто раз зарекался. И ездить с ней увидеться себе сразу же запретил, еще в камере полицейского участка, когда стало понятно, что меня на этот раз уже по-любому депортируют. Ибо себя любимого мне жаль. А каждый даже телефонный разговор с ней за это время – это та еще сессия мазохизма. Или, скорее уж, самоистязания, ведь не Рокси же выступала в этих контактах творцом боли. Но ее источником. А я боль не люблю. Любить не люблю, но за каким-то хером на нее раз за разом нарываюсь. Во всех смыслах. Вот, наверное, потому-то и поперся все же в тот загородный коттеджный поселок, где теперь живет моя подруга, предварительно выхватив очередную дистанционную п*здюлину от предка. Улечка меня вчера все же подставила, где-то светанувшись с этим своим идеальным возлюбленным, и сие дошло до ее папаши, а тот не замедлил капнуть и моему предку.

Дура, бля. Я ее как человека подвез до хаты любовника и сам, следуя условиям новой игры, поехал домой и провел унылый вечер в одиночестве, заливаясь пивом и дымя в потолок. Даже шлюх вызывать не стал. Я так-то ими в принципе брезговал всегда, но уровень брезгливости стремительно падал с возрастом. Как только ты начинаешь отчетливо по-

нимать, что сам по себе не штучная редкой ценности цаца, а обычный ленивый пох*ист, каких вокруг как грязи, сразу начинаешь на окружающих смотреть по-другому. Шлюхи, да? А я кто? Они хоть ради того, чтобы себя прокормить, а я из чистой скуки и неспособности даже пожелать завести нормальные отношения. Короче, суть в том, что я торчал дома, а этим двум дебилам приспичило сходить к другу на днюху. Где их вместе и срисовали. А в итоге крайний я.

Остановившись перед воротами нужного дома, я помедлил. Сидел и смотрел перед собой, желая малодушненько всякой хрени. Чтобы Рокси поменялась, став страшной. Вес набрала сильно, запустила себя, черт знает, что угодно. Чтобы вот глянул на нее новую раз – и попустило меня. Чтобы больше не я справлялся день за днем с ее исчезновением из моей жизни, а она все вроде как испортила. Или как совсем уж из области фантастики – открывается калитка, и моя Рокси, точно такая, как была, выскакивает мне навстречу, повисает на шее и просит увести ее отсюда, из этой медвежьей берлоги, куда позволила себя утащить.

Не сбылось ничего. Калитка действительно распахнулась, но появилась не Рокси, а мрачный Гризли. Сука, я подзабыл, или он за это время еще заматерел, хотя куда еще, бля, и так человек-гора. Уставился на меня неприветливо, сложив свои здоровенные ручки на груди. Будто держал себя от потребности дать мне пинка, с ходу отправив в обратный путь. Мне даже похорошело от этого как-то. С одной стороны, что нер-

вирует его мой приезд, вон как зенками всего ощупал оценивающе с ног до головы, причем не так уже, как раньше. Будто я таракан какой или прыщ назойливый на жопе. Хотелось польстить себе, что узрел он во мне типа угрозу, но это, конечно, хрень. А с другой – как-то потеплело на душе за подругу. И это она еще переживала чё-то там, что чувства погасли и медведина ее поостыл? Да-да, прямо вижу по этому “убью на х*й, если что” взгляду, как он поостыл. Его, походу, как тогда, в самом начале, переклинило на ней, так клин тот пожизненным и стал.

– Смотрю, ты рад меня видеть, Камнев, – ухмыльнулся я, вылезая из тачки. – Красной дорожкой для дорогих гостей чисто по бедности не обзавелся?

– Я для этой цели зато зубозакатывательными машинками обзавелся, – буркнул он неприветливо, многозначительно глянув на свой громадный кулак. – Двумя. А тебе ветер странствий, как погляжу, был на пользу. На человека нормального становишься хоть немного похож. Подкачался вон и по морде больше словить не ссышь.

– А я никогда этого не ссал. – Я встал прямо перед ним, испытывающе уставившись в глаза. – Ну что, фейс-контроль, пропустишь с Рокси повидаться или теперь ты ссышь, что она на меня другими глазами посмотрит?

Он пренебрежительно ухмыльнулся и посторонился.

– За языком следи, не вздумай при моих детях матернуть-ся.

Дети. Да. У моей Рокси и этого амбала теперь есть дети. Двое. Как их там? Она мне говорила по телефону. Я не запоминал. На кой? Ну не в состоянии я воспринимать подру-гу-оторву мамашей с парочкой висящих на ней спиногрызов. Не вяжется это в моей голове.

Оказалось, эти самые спиногрызы на ней не висели, они по ней ползали.

Камнев повел меня вокруг дома на задний двор. Там, среди молодых, явно недавно посаженных деревьев, было растелено несколько одеял, на которых валялась куча игрушек, и посреди этого бедлама лежала на животе Рокси. Один из мелких потомков Гризли сидел на ее спине, терзая волосы, теперь лишенные прежнего черно-красного контраста, другого она распластала перед собой и делала нечто весьма странное. Заголив живот мелочи, она утыкалась в него лицом, сильно дуя в кожу и издавая крайне, я бы сказал, непристойные в нормальном обществе звуки, от которых оба карапуза заходились в смехе. Да и сама Рокси хохотала, ей-богу, как хорошенько дунувшая. Я пялился на это, честно пытаюсь понять, в чем тут прикол и чего же так весело, потом покопился на Камнева и даже чуток подзавис. Остро заболело в груди почему-то не от взгляда на женщину, которую не видел столько времени, но не забывал ни на день. А от того, как выглядел мужик, который ее у меня отнял. Он пялился на происходящее на тех одеялах с абсо-бля-лютно счастливой тупой улыбкой во всю его мрачную харю и явно забыл о моем

существовании в этот момент. Я не имел никакого значения, весь, сука, мир не имел никакого значения. Только женщина, его женщина, занимающаяся какой-то дурацкой херней с его же детьми. Я чуть не пошатнулся, будто мне под дых саданули с ноги. От осознания, что у меня-то так точно не будет никогда. Не дано подобное таким циничным мерзавцам и ленивым ниочемышам. Потому что за такое мужику побороться надо. Он в свое время боролся и еще как. Пер, не признавая никаких препятствий, отвоевываая Рокси у всего мира и у нее самой. А я был рядом с ней столько времени и не делал ни-че-го. Вот поэтому она теперь его, а я стою тут, никому никуда не вперся, навестить заехал. Краем глаза глянуть, как другим хорошо.

Был импульс развернуться и свалить к хренам, был. Но тут Рокси обернулась и нашла глазами своего Гризли. Первого его, конечно, а потом и меня.

– Длинный! – она ловко так перевернулась, ссаживая мелкого с себя, легко вскочила на ноги и пошла навстречу. Проходя мимо Камнева, скользнула ладошкой по его груди, от чего он резко вдохнул, и подмигнула. – Давай, папа-медведина, твоя очередь веселиться, – и только потом развела широко руки, обнимая меня.

Свободная, изрядно помявшаяся от валяний по одеялам белая футболка, черные штаны для йоги, растрепанные беспорядочно малявочными руками волосы, пирсинга всего как не бывало. А она, оказывается, блондинка. Точнее, свет-

ло-русая. А я и не знал никогда. И что улыбаться она может вот так, не знал.

– Роксана Миргородская и обнимашки, – проворчал я, осторожно обнимая ее в ответ. Естественно, под пристальным, практически убивающим взглядом ее мужа. И даже осознавая, что взбешу его, опустил лицо в ее волосы, вдыхая полной грудью разочарование и узнавание напополам. Рокс пахла и собой, знакомой, и уже совершенно иначе одновременно.

– Камнева я теперь. – Рассмеялась она. – И если бы кто-то не свалил так быстро из страны, то должен был бы стать свидетелем этого превращения в ЗАГСе.

Ее правда. Я улетел за неделю до их росписи. Хотя мог и остаться. Но не захотел. Тогда я все еще был уверен, что она совершает ошибку. То есть ради правды, я хотел быть в этом уверен. Но так-то понимал, что ничего подобного. Рокси причалила к нужному берегу, и ее мытарства по штормовым морям завершены. Чему сейчас получаю подтверждение.

Дальше все пошло... ну, странно опять же. Это чувство, когда ты встречаешь кого-то столь значимого, и он вроде бы точь-в-точь тот же, за исключением несущественных мелочей, но вообще другой. И разговор у нас пошел легко, никакой скованности, словно и не было ни этих месяцев, ни кучи событий, поменявших все. Это опять была моя Рокси. Моя, но то и дело искавшая взглядом огромного мужика, возив-

шегоса с детьми. Своего мужика и своих детей. И каждый раз что-то такое мелькало на ее лице... Шокирующая меня смесь счастья и тревоги. Как если бы она могла в любой момент запрокинуть голову и рассмеяться от счастья или же броситься к ним и вцепиться, не готовая отпустить ни за что.

Я рассказал ей все, у нас же не было раньше секретов, включая самые интимные. И про бои, и про то, что меня пнули из Англии за них, и про то, что мой отец затеял с этой свадьбой и соединением двух семейств. Я не боялся осуждения. Это Рокси.

– Хер... – она снова покосилась на своих. – Ерунда полнейшая с этой свадьбой. Не будет ее.

– Да уже все договорено, – безразлично пожал я плечами.

– Пф-ф-ф! – фыркнула она пренебрежительно. – Ни черта не выйдет. Я тебя знаю.

– Ну а вдруг выйдет? Хотя в чем-то я должен же состояться. Вон хоть в роли осеменяющей марионетки.

– Не, Антох, такие, как мы с тобой, в неволе не размножаются, – засмеялась она.

– Да? – я многозначительно зыркнул на Гризли.

– Это, дружище, не неволя. Это добрые руки. И они творят чудеса. Причем не важно, тебя в них принимают или ты ими кого-то окружаешь. Эффект одинаково мощный.

– Советуешь попробовать? – ухмыльнулся я.

– Такое не пробуют, это тебе не кулинарная экзотика. В это, что в ту реку – вошел, и все. Или плыви до того берега,

или признавай, что не тянешь, и назад поворачивай.

– Или тони? – скривился я.

– Я тебе утону, Длинный! Выплывешь! Ты у нас выносиливый и вон еще окреп. Главное, берег-то чтобы тот, что надо, был.

– Бл...лин, Рокси, кончай это словоблудие, – заржал уже полноценно. – Реки-берега-заплывы.

– И то верно. Пойдем, что ли, я тебя обедом отравлю.

Уезжал я через пару часов, ощущая себя окончательно растрепанным, заблудившимся к хренам. Все, что ныло и до того, обострилось еще больше. Ходишь-ходишь по холоду, существуешь в нем, привык, а тут раз – и тебя в тепло пустили. Причем в такое, о существовании которого ты не знал и, по сути, понять не можешь, почему оно есть. В чем оно? Как и откуда берется из простых слов, дурацких вещей, прикосновений. Короче, посидел ты, чуть пригрелся, так и не врубившись, в чем весь изюм, а уже обратно пора. В холод. И резко такой злостью накрыло. Такой, что нет сил ее внутри удержать. Выплеснуть надо такое, а то порвет. И тут как подарок свыше – какой-то долбо*б на начисто затонированной девятке подрезал меня. Да так, что еле среагировал. Я оскалился, уже зная, кто же станет мишенью для моей прущей наружу злости. А претендент на щедрую порцию п*здюлей еще и стремительно тормознул метрах в ста впереди. Правильно, чего оттягивать неизбежное.

Водила, оказавшийся коренастым золотозубым кавказ-

цем, вывалился из колымаги и, походу, подкатывал в их обычной борзой манере к какой-то рыжей длинноногой телке в коротких джинсовых шортах и тяжелых шузах с металлическими носками. На первый взгляд ничего так, трахательная, но мне сейчас не она была нужна. А боль, чужая и своя. Усмехнувшись предвкушающе, я выбрался из тачки и пошел к ним. Шел не за телкой, но чудны дела твои, господи, уже через две минуты отъезжал от остановки с рыжей нахалкой на пассажирском сиденьи. С охрененно съедобной во всех местах, при ближайшем рассмотрении, нахалкой, чей бесстыжий взгляд откровенно вещал мне, что разочарован я не буду. Как там у хиппи? *“Make love not war”*. *битесь вместо того, чтобы бить морды? Звучало не так, но главное же что по сути верно.

Глава 6

– Куда едем, лисеночек? – продолжая наглеть по полной, подмигнула я своему внезапному извозчику и вытянула ноги, по которым он ожидаемо прошелся лапающим взглядом.

– Зависит от нескольких факторов, птичка, – ухмыльнулся он, и наши глаза пересеклись на пару мгновений, прежде чем он вернул внимание дороге. А он ничего так. Не бруташка стопудовый, как Корнилов или вообще Камнев, но не мальчишка прыщавый, опять же. И при бабках. В бумажник бы его занырнуть. Мне-то хороший стартовый капиталчик, он же средства на дорожные расходы, лишним не будет. А у него есть что щипануть, чую.

– Птичка? – фыркнула я. – Надеюсь хоть, не курица?

– Сие мне пока неведомо.

Охренел?

– Ясно. Дают тебе явно не за твое остроумие. – И я демонстративно потянулась и погладила кончиками пальцев браслет его часов.

– Ну не я начал с зоопарка, – парировал он, ничуть не задетый, походу. – А дают мне по множеству причин.

– Да неужели? Ты не заблуждаешься? Или, скорее уж, не льстишь ли себе?

Хамство с моей стороны, конечно, потому как мужик он

явно из тех, на кого на раз ведутся бабы. Не в моем вкусе, само собой, но у меня и вкуса в этом деле, по сути, нет. У меня есть чисто практические соображения насчет критериев, по которым следует всех вокруг оценивать, и все на этом. А все эти несущественные материи вроде “нравится-не-нравится-хочется-колется” мимо. Мне вон за каким-то хером Корнилов нравился, и что? Пошло оно... И он в том числе.

– Птичка, разговор на эту тему мы продолжим только в том случае, если я получу подтверждение, что имею законное право вести с тобой подобные речи, – заявил мой водила, как-то разом посерьезнев.

– Чего? – не поняла я.

– Восемнадцать есть тебе, борзая? – рыкнул он внезапно совсем уже без веселья и зыркнул, как ударил. Бля, один взгляд – а у меня что-то прямо сжалось все. Вот какого я его за нервы дергаю? Мне разве неприятности нужны? Я ведь сразу, как на дороге его увидела, поняла, что он реально агрессивный и искал повод эту агрессию выпустить.

– Есть! Паспорт показать?

– А как же! – стал он мгновенно прежним.

– Обойдешься!

– Итак, вернемся к вопросу, куда мы путь держим, – снова скривил он губы в усмешке, а я начала злиться. Чего он ухмыляется все время?

– Туда, где тепло, кайфово двадцать четыре на семь, щедро наливают и мухи не кусают, – честно выдала я свои планы

на ближайшее будущее.

– Однако! – хохотнул он. – Да ты никак на юга решила податься? Одной не страшно?

– А я разве одна? Сейчас вон с тобой, дальше – мир тоже не безлюден.

– Хм-м... – Что-то он опять внезапно сменил веселье на хорошо читаемое раздражение. Он, может, того... или сидит на чем. У нариков резкие смены настроения и агрессия на пустом месте за положняк. – Тогда позволь уточнить: ты безголовая совсем в силу молодости или прожженная уже такая по причине большого пробега по х*ям?

Оскорбить меня пытаешься, козлина? Ну-ну, давай. Типа меня таким задеть можно. Оскорбления и подарки становятся твоими, только если ты их принимаешь.

– А для тебя это прямо так принципиально? – Я даже развернулась вся к нему, чтобы получше свою непрошибаемую рожу кирпичом ему продемонстрировать.

– Ага. Я свой-то не на помойке подобрал и совать во что попало не привык.

– Бесценная для кого-то, надо думать, информация, но не пойму, на кой она мне?

– Мало ли. Авось на что-то сгодится.

“Авось на что-то сгодится,” – это про член твой, наверняка пипирочный, придурок. Маманя всегда говорила, что если у мужика язык длинный, то в штанах у него швах.

Мы некоторое время ехали в тишине, только магнитола

что-то негромко курлыкала.

– С родаками разосралась? – наконец нарушил он ее.

Нормально так сказал, обыденно, без малейшей тени под*бки. Как если бы и правда хотел знать. Я даже вздрогнула.

– Не угадал.

– С парнем? – Второе предположение уже с легким налетом пренебрежения.

Вот зуб даю, что подтверди я сейчас, и начнется лоховской прогон, он же подкат про “его потеря, моя находка” и дальше в том же духе.

– Не имела никогда такой живности в окружении и обзаводиться не планирую.

– Еще скажи, что ты у нас девственница нецелованная, – и снова гад такой ухмыляется.

А вот это в точку, умник, да только кто же тебе признается? Я лишь ухмыльнулась, не заморочившись с ответом и отвернувшись к окну.

– Тогда, выходит, из монастыря сбежала? – продолжил он свою угадайку.

– С чего подобные выводы?

– Ну как же. Совершеннолетняя. Фигурка суперзачетная. Личико смазливенькое. На зажатую консерву не смахиваешь. А парня нет и якобы не было. Тут три варианта: или свистишь, как дышишь, или жила взаперти, или ты по девочкам.

– Или я не имею привычки заводить отношения. – Я чуть не ляпнула затасканное “секс не повод даже для знакомства”, но язык прикусила. Мало ли чего у него в голове, вдруг он сочтет это прямым предложением завалить меня. А я, конечно, с пулей в башке и местами отчаянная, но не совсем же. И до города охота добраться без приключений, а не топтать снова вдоль трассы и голосовать, когда он меня выкинет из тачки.

– Хм...

– Что?

– Звучит так, будто ты идеальная женщина. Это всегда подозрительно, а для меня так особенно. – Почему это особенно для него? Что он за перец такой? – Но знаешь что? Насрать! Я рискну.

– В смысле? – опять подзависла я.

– В прямом. Как насчет повеселиться от души, девушка, не заводящая отношений? Ты для меня сейчас прям то, что доктор прописал, если не загоняешь.

– В чем веселье? – Ага и для кого оно в основном предполагается.

– Сегодня затусим в клубешнике, а завтра и двинем вместе на юга. С комфортом.

Оспада, ну до чего же тупой подкат с разводом! Я была о нем лучшего мнения. Едва сдержалась, чтобы глаза не закатить.

– Ну, в чем моя выгода, понятно, – усмехнулась теперь я.

– У меня личный водитель и спонсор. А твой выхлоп в чем? Если думаешь, что я за твои щедроты стану...

– Станешь. Не за что-то. Просто так.

О-о-о, ну конечно-конечно, ты ведь такой мачо, мне не устоять никак. С другой стороны... а для кого мне себя блюсти? У меня что, в планах хранить невинность до законного брака? Ха-ха!

– Оптимист, бя.

– Реалист. Ты едешь за весельем и приключениями. Все это ты можешь получить со мной.

“Все это ты можешь получить со мной, бла-бла-бла, я великий причинятель веселья и приноситель приключений, смертная, трепещи в предвкушении!”

– Опять же непонятно, в чем твоя выгода. Что-то ну не похож ты на парня, которому проблематично найти спутницу для такого путешествия, не говоря уже о том, с чего бы вдруг тебе в него отправляться. Ты маньяк?

– Я – Антон. С чего? А почему нет? Почему ты? Ты сейчас здесь. Зачем искать еще кого-то?

– Практичненько. – Хотя где-то чуток и обидненько. – И что, у тебя никаких дел, обязанностей, работы?

– Не-а. Я бесполезный безответственный бездельник, который может ехать куда глаза глядят в любое время, – он мимолетно скривился вроде как болезненно, но тут же опять натянул свою похерестическую ухмылочку.

– С женой посрался? – вернула я ему его же любезность.

– Мимо. – Он поднял правую руку и пошевелил пальцами перед моим лицом, демонстрируя отсутствие обручалки. Ой, я тя умоляю! Во-первых, я его неокольцованность, еще в тачку прыгая, мимоходом засекла, а во-вторых, это никакой не показатель. Все мужики только вышли за порог – и свободны, и трюк с кольцом в кармане или бумажнике стар как мир.

– С родителями? Не поздновато ли в твоём возрасте из-за обидок на маму-папу срываться во все тяжкие?

Он зыркнул на меня с однозначным “оно тебя *бет?” посылом, да таким интенсивным, что я поняла – зря вякнула. То есть тебе меня допрашивать и всякие нелицеприятные гадости говорить можно, а обраточку получать не в кайф?

– Может, и поздновато для хороших парней и отрады предков, но ты смотри выше, кто я на самом деле. Так что? Сойду тебе в попутчики, рыжая?

– А сойдешь! – легко согласилась я. Чё теряю-то? Мне его кинуть и на все четыре стороны майнуть – как два пальца об асфальт. Начнет борзеть или зажимать как – только он меня и видел, еще и на бабки накажу при возможности.

– Как зовут-то тебя?

– Никто меня не зовет, сама прихожу, когда вздумается. Но ты можешь Ржавчиной кликать.

Он покосился на меня, еще раз пройдясь пристальным изучающим взглядом с макушки и до носков говнодавов.

– Не, Ржавчина не про тебя. Лисеночком меня приклады-

вала, но это ты Лиса хитрая. Хитрая и одинокая. Так и буду звать – Лисой.

– Да хоть как! – И не одинокая я, придурок. Я одиночка, а это совсем другое.

Глава 7

А я везучий. Всегда был, не сказать, что заслуженно. Какова была вероятность, что рыжая нахалка, практически ворвавшаяся в мою тачку, обломав меня с психотерапевтическим мордобоем, окажется такой? Мало того, что ох*енно красивая. Красивая! Тот самый случай, когда вслух-то можно что угодно молоть и как вздумается называть, а про себя же не солжешь. Она не смазливая, не трахабельная, хотя подскакивает на нее на раз, не аппетитная. Красивая. Даже завораживающая. Как хренов мифический блуждающий огонек в лесу, что, только показавшись, захватывает тебя с потрохами. Смотреть хотелось... Нет, даже не так. Не смотреть не могло.

Только разглядел, какая попутчица мне попалась, так уже и глаза от нее отклеиваться не желали, еле удавалось на дороге сосредоточиться и в зад кому не въехать. Так еще и говорить с ней тоже хотелось. Ее просто хотелось. Внезапно и так, что с ходу просто п*здец. Тот случай, когда именно вождеешь, всем нутром, всем, что ты. От разумного до самого примитивно скотского. И пох, кто она, какая, чья, возможно, что мелет, корча из себя эдакую крутую оторву. И даже если на самом деле такая и есть, хотелось. Хоть тварь распоследняя, хоть ангел небесный. Под себя ее получить меня не то

что прижало в момент – за глотку нужда взяла, а при таком уже не до раздумий, отчего и почему. Единственное, о чем в такой момент способен думать любой нормальный мужик, и я в том числе, – как ее получить. И чем скорее, тем лучше. Все, в башне щелкнуло, режим охоты врубился, мозги уже все и полностью заработали над подходящими приемами и построением ловушек, забросом приманок. Она ведь и на-поминала дикое животное. Хитрое, настороженное, грациозное, с коварными искрами во взгляде и при этом пронзительно натуральное, естественное в каждой реакции. Некое великолепное творение природы, которым не восхитился бы только слепой. Ноги длиннющие, замаешься облапать. Сиськи невеликие, но так глаза и колют, шея изящная, нежная, чудится: так и просит бесстыжих отметин, хотя я поклонником такого примитивизма никогда и не был. Метят ведь свое, а для меня все проходняк. И руки у нее... Запястья узенькие, как и сами кисти, а пальцы тонкие, живые, залипнуть даже на них не хрен делать. Выющиеся блестящие волосы ниже плеч цвета начищенной меди. Кожа белая-белая, но не как стена безжизненная. Как слой снега над горячими углями, скорее уж, она ведь то и дело вспыхивала нежно-розовым на щеках и скулах, когда моя лисица злилась. Жар сквозь внешний холод проступал. А злилась и пыхала она часто, слово через слово, хоть и пыталась это скрыть. Выглядело это так вкусно, что мне желалось дразнить ее и провоцировать снова и снова. Чтобы опять загоралась и глазами зеленючими наотмашь

полосовала, а не натягивала обратно маску похеристки. Ох и глаза же у этой заразы! Она как зыркала, я чуть не взывал, потому что каждый раз член так в ширинку башкой буйной упирался, что непонятно, как ту еще не порвало. Губы свои кривила. А меня мутью прям накрывало, накатывало по-жесткому, сразу видел, как целую их грубо, глубоко, втирая самое себя в нее так, что не вздохнуть обоим, наклонившись к ней, стоящей передо мной на коленях. Как воздуха совсем не станет, выпрямляюсь и обвожу мокрой головкой их, опухшие от моего же варварства. Заставляю принять себя глубже некуда, под дерзким взглядом этих зеленых сверкалок. Толкаюсь, пока их слезами не заволочет, а потом целую снова, заставляя жадно хапать меня вместо воздуха. И снова, и опять...

Само собой, она на мое предложение мотануть к морю вместе повелась. Ну не дура ведь, и я засек сразу, что девочка и тачку, и прикид мой оценила мигом. Обсчитала все плюсы и возможные выгоды на раз и согласилась. А мне похрен, что она в первую очередь о моей платежеспособности подумала, ведь разок разложу и вставлю качественно – и мысли о бабках уйдут на второй план. Конечно, совсем о бабках думать не перестанет, девки в этом смысле неисправимы. Но это нормально, это их инстинкты – не связываться со слабыми и лузерами. Мне сейчас дела не было до потом и ее планах и думках. У меня задача четкая была мною же поставлена – под себя ее уложить. Выбор средств значения не

имеет. Никогда не имел. Телкам всегда нравилось и будет нравиться, когда им по ушам ездят, каких бы опытных и видавших всех нас козлов насквозь из себя они ни корчили. Да и понты с красивыми жестами работают всегда безотказно. Сколько раз я, бывало, слышал: “Ой, я не люблю мажоров, все они мерзавцы”. Да-да, не любишь, пока не ты в центре внимания этого мажора и он ради тебя только что на уши не встает. Сразу все текут и ведутся, и невдомек, что это только тупому мужику на уши встать и “все вотпрямсчаз к твоим ногам”, и влюблен с первого взгляда и до гроба сыграть взапadlo. А чего стрематься-то? Ведь это все равно ты, гордая и неприступная вся из себя, возомнившая себя исключением из правил, будешь той, кого поимеют. И у тебя п*зда золотая прям, и я как вставляю, так и навеки в ней потеряюсь. А если в итоге дело выгорает, то кого *бет, какими средствами и что там за последствия в виде типа разбитых сердец и замороченных голов. Давай сразу никто и морочить не заморочится. Логично ведь?

Я вкатил на стоянку одного модного клубешника, где не бывал с момента моего отъезда, и повернулся к Лисице.

– Ну что, готова ворваться в веселье, Лиска? – развернулся к ней теперь, позволив себе разглядывание в кайф и без отвлечения на дорожное движение.

Охереть я девочку отхватил. О-хе-реть! Чем больше смотрю, тем сильнее челюсти и яйца сводит от нужды лютой. Ну ничего, нам бы вечер простоять и до ночи додержаться. До-

терпеть до того, как упою ее до кондиции “девочке хорошо, и она хочет”.

– Всегда готова, когда плачу за него не я, – фыркнула она, забавно наморщив нос с веснушками числом ровно в пять штук. Три на левой, востропавшейся ноздре, и две на второй. На крупинки жженого сахара похожи, так бы и слизал.

Начал бы с них. Щеки, что сейчас опять порозовели, опробовал, а после и до рта добрался. И тогда уж понеслась...

– Само собой, нет, или тогда это уже никакое не веселье. Ты прямо так пойдешь, мазюкаться ничем не планируешь?

– Очень надо! – ухмыльнулась она, выдерживая мой откровенно похотливый взгляд, пусть и выдавали ее щеки. – Ты вот меня и такую глазками заживо жрешь, небось, выгляжу что надо.

– Еще как надо, – пробурчал я, вылез из тачки, поправил неумный стояк в штанах и хотел ей дверь открыть, но она уже выскочила сама. Эх, прозевал возможность притереться с ходу.

– Ба! Какие люди! – встретил меня Федя Большой, местный главный секьюрити, протягивая свою ладонь-лопатушку с широченной золотоzubой улыбкой на страшной морде. – Каверин! А мы уж не чаяли тебя еще увидеть! Слухи ходили, ты в края аглицкие свинтил насовсем.

– Не прижился я на чужбине, Федя, – потряс я его руку. – Не понимают широкой русской души порывов проклятые

англосаксы.

– Ну и хорошо! Хоть приличный человек в клубе появляться станет, а то заманала эта молодежь нынешняя борзая не в меру, с жопами, которые родительскими высокими чинами прикрыты. Заваливайте! Но это... постарайся ни с кем особо сам не цепляться, Каверин. Лучше мне маякни вдруг чего, и я дипломатично разрулю.

– *бическая сила, чего творится! Федя, откуда в твоём безупречном лексиконе это матерное “дипломатично”?

– Не поверишь, самому язык узлом вяжет, – заржал громила с татуированными ручищами, и я, хлопнув его по плечу, потянул Лиску за руку внутрь.

– А ты, Каверин, видать, какая-то широко известная в узких кругах личность, – наклоняясь к самому моему уху, чтобы перекрыть грохот музыки, спросила моя рыжая, и мне почудилось, что она слегка поднапряглась.

– Прежде широко известная, ныне блеск моей боевой славы потускнел. – Ага, но вот прямо сегодня я намерен натереть свой меч снова до блеска. Причем исключительно об тебя. Точнее уж, в тебе. – Что пить будешь, Лисица моя?

– На твой вкус, – отмахнулась она и пробежалась быстрым настороженным взглядом вокруг, а я вдруг осознал: а она-то в подобном месте впервые.

Бля, вот надо было все же паспорт требовать показать. А если мамолетка? Сейчас они сильно все ранние. Мне такой гемор нужен разве? Облизал ее всю еще разок глазами и по-

нял: нужен. Да так, что просто край и дальше хоть вешайся. Пох на последствия. Косячил я и раньше, проносило, и в этот раз пронесет.

Ухмыльнувшись плотоядно ей в волосы на затылке, я обвил рукой ее талию, прижимаясь, еле сдержавшись, чтобы тут же лапой под футболку не занырнуть, и принялся неторопливо подталкивать к барной стойке сквозь толпу. Лиска вначале напряглась, но моментально приняла правила и подстроилась под мое плавное покачивание на каждом шагу.

– Пока я еще трезв, как стекло, признаюсь тебе как на духу: я тебя хочу просто зверски. И все, чем намерен заниматься этим вечером, – это соблазнять тебя всеми доступными способами.

Вот скажи мне кто, на кой это мое последнее китайское предупреждение? Мне ее официальное согласие быть совращаемой нужно разве? Не-а.

– Не факт, что хоть какой-то способ тебе будет доступен, – поддела она меня, повернув лицо к моему так, что наши губы едва не соприкоснулись. – Но спасибо за честность с самого начала.

– С тобой только так, Лисица, – не выдержав, я таки потянулся ее поцеловать, но она позволила лишь мимолетное прикосновение к своим губам и отвернулась, за что и поплатилась долгим и коварным поцелуем в шею, чуть пониже уха.

– Каверин! – присвистнул при виде меня бармен Толик. – Вот это да! Давно тебя не видать было!

– Привет! Мне как обычно.

– Бокал светлого для разогрева и “Секс на пляже” для подруги?

Приятно, когда кто-то помнит твои привычки, однако ни хрена не приятно, если ляпает об этом языком так в открытую. Лисице моей надо ли знать, чем я всегда накачивал своих пассий вечера.

– Мне тоже светлого, – решительно заявила Лиска. Нет, я все же хочу узнать ее имя. Так нечестно. Ничего, после первой дозы подобреет-расслабится, и все выпытаю.

Выпивка оперативно появилась на стойке, и я усадил рыжую на освободившийся барный круглый табурет, приставиваясь с бокалом, стоя рядышком.

– Итак, ты уже столько узнала обо мне, когда же я хоть что-то буду знать о тебе?

– А ты разве не знаешь уже самого главного? – фыркнула она, лихо осушив с ходу полбокала.

– М?

– Я согласна ехать с тобой и не побежала после твоего заявления о намерениях меня уболтать на секс. Нужно еще что-то? Серьезно?

– Намекаешь, что мне от тебя только “это” и нужно?

– А не так?

– Так, но боюсь, признаваться в этом не в моих интересах. Снижает шансы.

– Разве я упоминала, что они у тебя вообще есть? Ехать

с тобой и быть готовой к твоим подкатам не есть согласие перепихнуться.

– Фу, как грубо и мелко, Лисица моя! Перепихнуться – это про что-то незначительное и поверхностное. А у нас такого не будет. Исключительно – внушающее трепет и глубокопроникающее, я бы даже не побоялся сказать – убийственно пронзительное.

– Надеюсь, “убийственно” не относится к тому, что мне грозит умереть от смеха?

Ах ты засранка языкатая! Походу, Ржавчиной ты назвалась не просто так. Разъеешь в труху кого послабее, вот только борзота такая отчаянная откуда? Неужто не страшно выхватить за нее. Не от меня, само собой, но так-то запросто нарваться можно. Точно как Рокси в свое время. У меня аж в груди от этой аналогии сжалось.

– Длинный! – взвизгнули за моей спиной. – Ты ли это?!

Глава 8

Каверин, значит. Антон Каверин. Почему мне чудится, что я слышала это имя раньше? Где интересно? Хотя не сильно-то важно. Главное другое – походу, связываться с ним и соглашаться на совместный тур к теплому моречку было глупостью с моей стороны. Вон его каждая встречная-поперечная собака узнает и прям с почтением радушно скалится. Бармен в курсе, чем он девок склеенных напаивает, прежде чем развести на потрахаться. Впрочем, думаю, не сильно-то утруждаться разведением ему случается. Большой, видать, человек в определенном смысле, то бишь кинуть такого или бабосиков потянуть может быть чревато. Обидненько. Я уже чуточку поверила, что мне подфартило и действительно возможность повеселиться беззаботно и без последствий перепала. А тут... Не, ну его на хрен, с мажорами связываться – надо быть или дурой, или безотказной давалкой. А я, хочется верить, не первое и однозначно не второе.

К моменту, как нарисовалась визгливая телка, что с налету повисла на моем мажоре, как срамная болезнь на портовой шлюхе, я уже всерьез обдумывала план, как бы свалить технично, обмениваясь одновременно с ним колкостями. А еще стараясь игнорировать, что вроде как по кайфу то, как

он близко, но при этом не зажимает и не притирается пошло. Не прет по-борзому, пальцами потными куда не надо якобы невзначай не суется. Даже когда обнял, пока вел через зал к стойке бара, напрягло лишь самую малость. Затем напряжение рассеялось, потому как он не пошел дальше. На очень даже резонный вопрос к себе, почему так, ответа у меня не было. Можно списать на пивас, к которому я не прикасалась с того времени, как поселилась у Корнилова. Он взял с меня слово, что никакого бухла, я его дала и держала. До сего дня. Нет больше в моей жизни Корнилова, нет и обязательства.

– Длинный, идем к нам! – продолжала болтаться на Каверине, как сраная индюшина сопля, крашенная кукла, так и норовя еще и к лицу его присосаться. – Я тебя не видела сто лет!

– Ну не так уж и сто, допустим. Пересекались в прошлом году, – буркнул мажор.

– Толку-то? Ты же вечно с этой припадочной Миргородской рядом терся, а к ней и близко подходить я не сумасшедшая. Ну пойдем же! – заканючила она снова. – Расскажешь, как ты, где был? Вспомним старые деньки. Как зажигали ведь!

– У меня тут своя компания, Осипова. – Мой мажор положил ладони на плечи девицы и не слишком вежливо отстранил ее от себя. Мне почудилось, что даже с легкой брезгливостью.

– Да? – Блин, как можно умудриться говорить так визгли-

во, что даже музю *бухающее* перекрывает. – Где?

И принялась вертеть головой, явно нарочито в упор меня не замечая. Бывают же такие сучки.

– Я с девушкой. И нас вполне устраивает компания друг друга. А ты, смотрю, и так отсутствием компании не страдаешь и обзавелась друзьями помоложе, – ухмыльнувшись, Антон кивнул куда-то мне за спину. – С ровесниками со всеми уже передружила?

Вот честно, скажи он мне такое, причем в присутствии посторонних, я бы ему нос сломала. С ходу прямо лбом в переносицу херакс! Можно козлить и дергать за нервы друг друга наедине, можно и высказаться нелицеприятно, но без свидетелей. Но вот так, перед толпой. За такое бить надо. Даже если бы потом отхватила от души и была бы по жизни конченной шалавой и действительно перетрахала полклуба. Не его это, бл*дь, собачье дело. Она тоже сучка, тут диагноз неизменен, но у парня нет права так себя вести. Ни у какого. Особенно у того, кто с ней терся когда-то, судя по ее намекам. И тем более делать это перед другой бабой. Это в сто раз ведь сильнее задевает. Знаю, что есть девки, кто прям тащится, если их дружок при них унижает бывшую, пытаюсь тем самым подчеркнуть, насколько нынешняя лучше. Но они тупые овцы. Мало того, что ты завтра сама можешь и, скорее всего, будешь на месте этой бывшей, так еще и что за бесполезной херней надо быть по жизни, чтобы самоутвердиться с помощью чужого унижения.

Но окончательно меня бомбануло не от того, какой козел, оказывается, Каверин, тут мне глубоко похер, а от того, что вместо возмущения эта Осипова только молча погрозила ему пальчиком, продолжая сушить зубы в дебильной улыбке от уха до уха. То есть сглотнула. А он наверняка ведь знал, что так и будет, что ему такое за положняк позволяется, поэтому и сказал. Пиво, которое я как раз доцедила до дна, шибануло мне в голову, и я решила, что хорош.

– Да ну нах! – буркнула себе под нос и, развернувшись, пошла сквозь толпу к выходу.

– Эй, Лисица, ты куда? – окликнул меня хамоватый мажор, догоняя шаге на десятом, а до меня как раз дошло, что мое-то барахло все в его тачке осталось.

– Вещи мои отдай и озвучь, сколько с меня за подвоз и пиво, – прищурившись, зло проорала сквозь музыку ему.

Блин, а в том стакане точно чисто пиво было? Чего-то меня сильно так вставило. С непривычки, видать.

– С хера ли гости понаехали? – изумленно уставился на меня Антон.

– Внезапно поняла, что степень твоего мудачизма слишком перевешивает все возможные выгоды от совместного веселья за твой же счет. Особенно за твой счет.

– Откуда такой вывод? – наклонился он к самому моему лицу, сиюсь перекричать шум. – Я тебе еще своего мудачизма, рыжая, и не демонстрировал.

– Ой ли? – А по дороге ты исключительно милахой себя

показал, конечно.

– Но до сего момента ты признавала его терпимым, так с чего вдруг? – Я перестала выдирать локоть из его захвата, все равно и не думал отпускать. Ну не бить же его исподтишка в надежде вырубить слегка и стянуть ключи.

– А вот ответ я перед тобой держать не обязана. Ты мне кто?

– А кем хочешь, чтобы был?

Я на это только закатила глаза. Ну смешно же.

– Вещи отдай, и адье, – вернулась на исходную позицию.

– Пошли! – Он схватил меня за руку и поволок совсем не к выходу. Мы прошли весь зал, свернули в какой-то коридор, где он стал толкать идущие подряд запертые двери, пока одна не распахнулась. Он затащил меня в небольшое помещение с тусклой лампочкой и захлопнул дверь. Кто бы мне еще сказал, почему я с ним иду, а не вырываюсь и не отбиваюсь.

– Бля, заманался я перекрикиваться, – сказал, отпуская, и привалился к стене спиной, складывая руки на груди. – Ну, и какого хрена?

– Я не...

– Обязана отвечать, потому как мой статус по отношению к тебе “никто и звать никак”, это я и так уже уловил, – перебил он. – Тут пока возражений не имею, против правды не попрешь, однако это не ответ на мой вопрос. Поэтому повторюсь: какого хрена тебя подхватило, Лиска? Танька взбежала?

– Не без того, – вырвалось само, до того как сообразила, что делаю именно то, чего не собиралась – держу перед ним ответ. – Но ты – гораздо больше.

– Пояснительную бригаду!

– Думаю – бессмысленно.

– А ты, как я погляжу, любительница сразу делать выводы, причем маловато вникая в суть. Итак, дело во мне и Таньке, так?

Да сто лет вы не вперлись мне никуда оба! И ты, и Танька твоя!

– Дело в том, что ты там вел себя как конченный урод! Если что-то когда-то было с девушкой, и как бы вы потом ни расстались, у тебя нет права вот так гадко проходиться по ней, тем более в присутствии посторонних!

Его светлые брови приподнялись изумленно, а потом он усмехнулся, как мне почудилось, слегка разочарованно.

– Во-первых, ты с чего взяла, что у нас что-то было? Я тебе сразу сказал, что свой агрегат не на помойке нашел, чтобы совать в отверстия, сильно приближенные к сквозным. Во-вторых, ты откуда такая вся правдолюбка и поборница справедливости на голову мне свалилась?

– Что?

– Права во всем – вот что. Я повел себя как кусок говна. И то, что я он и есть по жизни, не оправдание.

Я слегка опешила. И нет, хренушки поверила с ходу. Уставилась в его наглые zenки, выискивая там признаки очеред-

ной хитрой насмешки надо мной. Но нет. Походу, он серьезно это. И почему-то стало неловко. Чего подорвало-то вообще? Было бы с чего. И дело мне в принципе какое? Вот же пьянь в завязке, с резьбы слетевшая.

– Ну... не такой уж и кусок говна окончательный, если хотя бы способен это признать, – пробормотала, чувствуя, что щеки горят. И осознавая, что мы одни и стоим так близко. Все же забористое пиво. В тачке-то его мы тоже без свидетелей были, но что-то нигде не припекало.

– Фигня. Я просто подлизываюсь, потому что не могу допустить срыва моего коварного плана по твоему соблазнению сегодня. – Тон Каверина изменился на легкомысленный, но вот лицо оставалось сосредоточенно серьезным, и взгляд он мой не отпускал. – Так что скажу что хочешь и признаюсь в любых грехах. Про то, что в любви и на войне все средства хороши, слыхала же. Тем более девушки очень любят плохих парней, поэтому можно не скромничать и приписать себе парочку несуществующих пороков.

– А такие есть? – Ну же, самое время оборвать этот наливающийся странной завораживающей тяжестью визуальный контакт. Только не выходит.

– Так я тебе и сознался! Мы еще не настолько близки, Ли-сица моя, чтобы я так откровенничал. Ну что, мир? Или мне пойти попросить прощения у Таньки?

– Тут уж на твое усмотрение, – я таки сумела отвести глаза, но ощущение его нарастающей близости никуда не про-

пало.

– На мое усмотрение я считаю, что наше примирение следует скрепить поцелуем. Понимаю, банальщина, но что поделать, традиция. А традиции нарушать не стоит, тем более такие приятные.

Ну этого и стоило ожидать, неспроста же он меня в этот укромный угол заволок. Бля, неужели есть девушки, что соглашаются на секс вот так, походя, в какой-то кладовке? Да о чем это я?! Мне как прохладой в лицо повеяло, разгоняя обернувшую плотным покрывалом жару.

– Это где же такие традиции? – шагнула я на всякий случай ближе к двери и вздрогнула, когда Антон встал у меня за спиной. Не хватал и не удерживал, но так близко, что у меня спина окаменела, а в голове зашумело тревожно и хмельно одновременно.

– У нас. У тебя и меня. Так что насчет примирительного сек... – он опустил голову, выдыхая прямо у моей шеи, но все же не прикасаясь, – о пardon, пока исключительно поцелуя?

– Дружеского и невинного, само собой? – Я схватилась за ручку двери, поймав себя внезапно на том, что голова, как сама собой, стала крениться набок, давая ему больше пространства. Это что такое вообще опять?!

– Это смотря куда целовать и как там дальнейшей пойдет. – Голос Каверина просел, и его губы коснулись наконец моей кожи, едва-едва, но я отчего-то вздрогнула, или, скорее уж,

дернулась, как от колкого разряда, да так, что стало стыдно за себя. И как всегда у меня – где стыд, там и злость.

– То есть имеются разные варианты? – спросила, заставив голос звучать насмешливо и вызывающе.

– Множество. – Кончики его пальцев легли поверх моих, вцепившихся в ручку двери, и он неторопливо повел ими вверх к локтю, ни на самую малость не усиливая нажима, и теперь во мне будто что-то зашаталось. Вроде как некое ребро жесткости дало резкую слабину.

– А ты уверен, что речь ведешь именно о невинных и дружеских поцелуях? – Я пристально уставилась на его пальцы, скользящие по моей руке, словно реальная картинка могла мне помочь справиться с тем, что происходило внутри. Помочь понять, почему это в принципе происходит и я позволяю это.

– Уверен, что пока говорю исключительно о поцелуях. – Новое касание-призрак его губ, и я прикусила невольно свою нижнюю. Если его практически и нет, то отчего ощущается едва ли не ожогом? И с каких пор ожоги бьют в башку сильнее, чем то пиво после долгого сухостоя.

– Да неужели?

– Не веришь? Испытай меня. – Его пальцы добрались до моего плеча и неторопливо двинулись в обратный путь, а Антон потерся носом о мою скулу, обжигая рваными выдохами щеку.

– Это как же?

– Ты даешь добро на поцелуй, а потом сама же и оценишь степень его невинности. – Губы задела мочку уха, а мне щекотно и дико приятно, и почему-то заныла грудь. И хмелею все сильнее.

– Стало быть, доверишь мне судить? – Голос какой-то не мой, осипший, голова тяжелая-тяжелая и пустая-пустая при этом.

– Безусловно. От тебя только – “Да, хочу”.

А я и правда хочу. Знаю ведь четко, к чему все идет, знаю, почему не стоит, знаю, насколько хреново все вмиг может стать, но хочу. Это приятно. Почему же этому и не происходить и дальше? До тех пор, пока мне все нравится.

– Согласна. При условии, что мое “дальше мы не идем” ты тоже готов слышать.

– Не готов. – Почудилось: говорить связно Каверину стало тяжеловато, и от этого зародилось нечто вроде торжества. – Но способен. Клянусь. Ну же, Лиска моя, я жду.

Ну поглядим, как ты способен. Мой порядком рассредоточенный взгляд наткнулся на пару каких-то бутылей на полке справа. Дотянусь запросто. Оружие самообороны найдено и зафиксировано – расслабляемся дальше.

– Да, я хочу! – повернула голову слишком порывисто, позволяя встретиться нашим ртам.

Глава 9

Нет телок, не *бущих мозги. Их, бля, в природе не существует. Разве что обычно поначалу они корчат из себя милых покладистых заек, ни разу не куриц-мозгоклюек. Предпочитают “ненавязчиво и очень скромно”, на их же взгляд, что-нибудь выпросить у тебя. Ведь удел парней по жизни – это обеспечивать их материальными благами в обмен на “потакание их низменным потребностям”. Секса ведь только нам надо, да-да. И лишь позже переходят от просьб и намеков, что было бы неплохо проявить щедрость, к требованиям. Но к тому моменту в моих отношениях наступал неизбежный момент “прости, дело не в тебе, это я тварь позорная гуляющая. И нет-нет, не надо меня такого терпеть, я скотина, жертвы не ценю, и ты себе найдешь лучше в миллион раз”.

Лисица же что-то с ходу решила потоптаться мне по мозгам, использовав явление дуры Осиповой как повод для ревности и поперев на выход. С любой другой я забил бы. С места не сошел бы, наслаждался зрелищем, как она усвистит наружу, а потом придет обратно, осознав, что куда ей без вещей-то. Но вот засада, я уже успел засечь, сколько озабоченных уродов на нее из всех углов пялились. Что такое психанувшая девушка? Правильно – легкая добыча, на раз способная перейти из рук в руки. А девушка, выглядящая, как

моя Лиса, еще и желанная добыча, за которую запросто бодаться будут готовы всякие бараны озабоченные. Рыжая горящая, бля, живая свеча в толпе тусклых искусственных блестяшек. А вокруг одни упыри, уже тянущие загребушие коврижки на этот свет. На х*й все пошли! Со мной пришла – со мной и уйдет.

Но от ее реальной предьявы я, конечно, подохренел. Выкатила мне, что я мутила, за то, что вот так с Осиповой разговаривал! И ради правды – права. Похер, что моя бывшая одноклассница полгорода через себя пропустила. Пока она этим из любви к процессу занималась, мы еще так-сяк общались – для меня женщина, любящая секс, не синоним шалавы. Сам чем лучше-то? Но когда она на дурь тяжелую под села и перешла исключительно на общество парней, способных ее дозой осчастливить, зависала после клубов во всяких притонах и всячески еще вовлекала в это дерьмо знакомых, стал откровенно брезговать даже говорить с ней. Но моя брезгливость – это мои же личные трудности. Вести себя как скот не повод. Ткнула мордой меня в дерьмо рыжая, устыдила и разозлила. Терпеть этого не могу, потому как достало это отовсюду слушать. Была секунда, когда чуть не сорвался и не послал ее. Мудачина я, да? Ну так и у*бывай на все четыре стороны! Но потом осознал, что уйдет же запросто. А я ее хочу. И опять же – права ведь. И снова же – хочу. Злюсь, но хочу. Аж, сука, звон в ушах как. К спине ее прижался, вдохнул аромата ее от души и соображать перестал.

На шкуре все волосья дыбом, член ширинку подпер, что тот шланг под давлением в хреналлион атмосфер, того и гляди пуговицы полетят, как пули. Словами с ней играю, она отвечает, а перед глазами только и стоит густым горячим маревом, как вдавливаю ладонь между ее лопаток, вынуждая грудью к двери прижаться, прогнуться и принять меня. То ли музон так бахает за стеной, то ли у меня в башке грохочет, разнося с ходу остаток мозгов кувалдой похоти. Носом о кожу ее потерялся, поймал, что медлит Лиса моя, не рвется, позволяет уже это, и все забыл за вдох. У нее голос просел, я вообще еще хер знает как своим языком ворочаю, словесами ее, что паук нитями, оплетая, а по ощущениям – как если бы дрочил себе, ей-богу! Просто нюхать, еле-еле губами касаясь, и болтать хренотень какую-то – уже кайфово, как черт знает когда уже и было мне.

“Да, я хочу!” – и ее губы внезапно у моих – и все, адье, мозги! Вынесло враз их в сквозную дыру, что открылась в моей черепушке от первого же столкновения наших ртов. А Лисица тут же и сбежать задумала, отстраниться. Пригубить дала, но не напиться? Не пойдет!

Обхватил ладонью ее лицо, не позволяя ускользнуть и разорвать поцелуй. Она замерла, напряглась сначала, не отвечая на поглаживания губ, не пуская мой язык, не давая больше своего вкуса. Я не рвался, не отпускал, не давал прекратить, но и не напирал. Руку, что лежала на ее талии, аж чуть не судорогой сводило, но чуял седалищем, что разум

испарившийся сейчас заменило: сунушь грудь ее лапаты – и пролечу вообще со всем по-жесткому. Секунд десять прошло в тянущей за нервы неопределенности, и тут моя рыжая вспомнила, видимо, что она дерзкая девчонка и рванулась снова в атаку. Запрокинула руку, запутывая пальцы в моих волосах и бросаясь в поцелуй отчаянно и так... неловко? Слишком агрессивно, будто именно это и старалась скрыть напором. Хитрая-хитрая лисица, что обманула только сама себя и в западню же завела. Я впитал ее неловкую агрессию, дал ей ход, пока не захлебнулась эта атака, и неторопливо, но непреклонно вернул обратно, втягивая в первоначальный темп, вот только теперь благодаря своей же опрометчивости она открылась мне сама. Открылась и окончательно попала. Я это нутром всем своим грешным мигом почуял. Загорелась прямо она в моих руках, заполыхала, не заметила, как я мягко-мягко принялся раскачивать нас, будто в танце, потираясь о нее. Не отвернулась, когда отпустил ее лицо, позволив руке невзначай начать спускаться к ее груди. Не оборвала поцелуя, и когда обнаглевшие пальцы второй руки пустились нисходящими кругами поглаживаний с ее талии к животу. И лишь когда сжал одну ее грудь, прихватывая торчащий сквозь ткань сосок между пальцами одновременно накрывая лапой промежность, Лисица дернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.